

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-92-145
УДК 821.161.1

«Недороман» Василия Бетаки и пушкинская традиция

© 2019, М.Г. Альтшуллер

Аннотация: Публикуется поэма известного русского поэта Василия Бетаки (1930–2013) «Герой 1960-х годов. Недороман», которая писалась в 1960–1970-е гг. и осталась незаконченной. Она ориентирована на «Евгения Онегина», но в отличие от своего образца описывает не жизнь протагониста, а главным образом литературную и общественную атмосферу 60-х гг. Во вступительной статье коротко рассказывается о феномене «онегияны» в русской литературной и общественной жизни приблизительно за 150 лет.

Ключевые слова: Василий Бетаки, Александр Пушкин, «Евгений Онегин», подражание, пародия, переосмысление, литературная атмосфера, общественная жизнь

Информация об авторе: Марк Григорьевич Альтшуллер, к.ф.н, почетный профессор, Питтсбургский университет, США. E-mail: altshul@pitt.edu

Цитирование: *Альтшуллер М.Г.* «Недороман» Василия Бетаки и пушкинская традиция // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 92–145. DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-92-145

Поэма Василия Павловича Бетаки (1930–2013) «Герой 60-х годов. Недороман» в основном в 1960-е гг. и написана. Автор читал мне первые строфы и говорил, что задумал написать нечто вроде пушкинского романа. Позднее он писал мне: «К “Онегину”, я думаю, это имеет отношение лишь тем, что задумано, как “Энциклопедия” и т.д. 60-х гг., когда и писалось».

Таким образом, эта неоконченная, оставшаяся в рукописи поэма вписывается в почти двухсотлетнюю традицию подражаний, пародирования, переосмыслений гениального романа, стоящего у истоков всей современной русской культуры¹. Эта традиция создала достаточно много значительных произведений и стала заметным явлением в истории рус-

¹ См., например, сборник подражаний, пародий, продолжений пушкинского романа (естественно, далеко не полный): Судьба Онегина / Сост., вступ. ст. и коммент. В. Невской и А. Невского. М., 2001.

ской литературы. Поэтому прежде чем рассказывать и о самой поэме, и о ее авторе, незаурядном современном поэте, мы попробуем очень коротко остановиться на феномене «онегинианы», а затем вписать в этот феномен и рассматриваемый нами «(недо)роман».

*

Выход из печати первой главы «Евгения Онегина» (1825), а затем последующих и особенно окончание романа (1832) вызвали волну многочисленных *подражаний* новому для России жанру «романа в стихах» («Борис Ульин», «Евгений Вельский», «Граф Томский» и пр.)². Подобное происходило и с романтическими поэмами Пушкина, когда вслед за «Кавказским пленником» появились «Дагестанский пленник», «Калмыцкий пленник», «Киргиз-Кайсацкий пленник» и пр.³

Время подобных, большей частью слабых подражаний довольно быстро прошло. За романом окончательно закрепилась репутация одного из самых, может быть, самого значительного явления русской литературы, в котором с удивительной полнотой отразилась жизнь «золотого века» русской дворянской культуры.

*

Времена менялись, менялась общественная атмосфера, умирал рафинированный «золотой век». Пришло время *пародий* на великий роман.

На смену утонченному дворянству приходили разночинцы, и самый талантливый их рупор, Д.И. Писарев, назвал Онегина «шутком гороховым», а Пушкина «маленьким и миленьким». Должен был появиться новый Онегин, теперь уже похожий на Базарова. И он не заставил себя ждать. Автором нового Онегина стал очень талантливый стихотворец Дмитрий Минаев. Он назвал свой роман «Евгений Онегин нашего времени», сделав его героя Базаровым по Тургеневу и Писареву. Новый герой «был по Базарову скроен», «отрицал искусство рьяно», читал Татьяне отповедь, почти дословно следуя уничтожающим комментариям Писарева, и т.д. и т.п.

Будучи убежденным демократом-шестидесятником, Минаев удачно пошутил над крайностями своих единомышленников (не только Писарева, но и Зайцева). Однако он, кажется, первым создал довольно

² См.: *Розанов И.Н.* Ранние подражания «Евгению Онегину» // Пушкин. Временник пушкинской комиссии. Т. 2. М.–Л., 1936; *Чумаков Ю.Н.* Стихотворная поэтика Пушкина. СПб., 1999.

³ См.: *Жирмунский В.М.* Пушкин и Байрон. Л., 1978.

плодотворную модель, показав в хорошо, наизусть известной читателю онегинской форме радикальные перемены в русской общественной жизни, и справедливо заметил, что

Роман любви, роман старинный
С луной, с безмолвным tête-à-tête,
В тени ветвей в аллее длинной —
Не в наших нравах.

Так начались комические, а потом и трагикомические переделки важнейшего текста русской культуры. Это не были собственно пародии: они осмеивали не пушкинское произведение, а новый изменившийся мир, в котором тонким, изящным, немножко церемонным, хорошо воспитанным, основательно образованным, благородным людям уже не было места. Сам Минаев это сформулировал:

Я классический роман
Подверг цинической проверке,
Перекроил по *новой мерке*
И перешил на новый лад⁴.

«Новая мерка», сохраняя претензии на комизм, очень быстро превратилась в трагикомическую после трагедии 1917 г. Уже в начале 1920-х гг. появился новый Онегин, теперь уже не по Писареву, а «по Луначарскому». Утонченные герои пушкинского романа превращаются в полуграмотных обитателей петербургских окраин. Тов. Ленский приглашает ротного писаря Онегина к Лариным. Тот обращается к Татьяне вполне галантерейно:

Вы прекрасны словно роза,
Только разница одна,
Роза вянет от мороза —
Ваша прелесть никогда.

А та отвечает «письмом Татьяны», но уже по-пролетарски:

Долго в девках я сидела,
Не пилося, не елося,
Как миленка разглядела,
Замуж захотелось⁵.

⁴ Минаев Д. Д. Собрание стихотворений / Вступ. ст., ред. и примеч. И. Ямпольского. Л., 1947. (Б-ка поэта. Большая серия). С. 308. Курсив мой. — М. А.

⁵ Русская литература XX века в зеркале пародии / Сост. О. Б. Кушлина. М., 1993. С. 339–340.

Классический, известный наизусть роман становится очень удобным претекстом для осмеивания новой большевистской России. Комизм помогал переживать трагедию. Важно было, что герои романа (это создавало дополнительный комический эффект) сохраняли свои овечьные поэтической дымкой имена: Онегин, Татьяна, Ленский...

Автор «луначарско-пролетарской» переделки Л. Аркадский (псевдоним Аркадия Сергеевича Бухова, 1899–1937) вскоре оказался за границей, в Прибалтике. Там он написал большую и несуразную поэму «Товарищ Онегин». Оксюморонное название хорошо передает фатальные перемены русской жизни, где

Судьба Евгения хранила,
Хотя один агент че-ка
И обещал «ударить в рыло»,
Но отпустил, намяв бока,

а Татьяна,

...быстро огрубев,
Носила в ведрах корм скотине,
И чистила коровий хлев⁶.

Впрочем, кроме нескольких удачных стрóf, растянутая поэма с почти полным отсутствием сюжета, написанная бойким четырехстопным ямбом и примитивными четверостишиями с перекрестной рифмой, большого интереса не представляет. Автор вскоре вернулся в Россию, активно сотрудничал в советских журналах, включая «Крокодил», и, естественно, погиб в застенках ЧК.

Более интересна большая (полторы тысячи стихов) поэма Лери (псевдоним Владимира Владимировича Клопотовского, 1883–1944) «Онегин наших дней» — почти как у Минаева, только теперь Онегин становится не разночинцем, а большевиком. Она написана онегинской строфой (некоторые строфы пронумерованы и заменены точками, как у Пушкина), бойкими стихами с обильным включением цитат и оборотов из знакомого наизусть текста. Например: «Им овладело беспокойство, / Охота к перемене мест, / Зане пугал его арест»⁷.

⁶ Свободное слово. 1921. № 47, 14 июня. Поэма печаталась одновременно в Эстонии и Литве. Благодарю С.Г. Исакова, сделавшего для меня ксерокопии из эстонской газеты.

⁷ Лери. Онегин наших дней: Сатирическая поэма. [Берлин]: Изд. О. Дьяковой и К°, [1922] (репринт: Нью-Йорк: Liberty Publishing House, 1988). С. 87.

От растянутой поэмы Бухова и даже от настоящего «Евгения Онегина» поэма Лери отличается довольно сложными сюжетными ходами. Его Онегин начисто лишен моральных устоев: «Блажен, кто дней не тратил даром / И к коммунистам-комиссарам / ...На службу сразу поступил» (с. 7). Так же легко он перемертвевает к белым, потом опять к большевикам. Он подружился с кадетом Ленским. Когда того арестовали, побоялся (несмотря на просьбу-письмо Татьяны) похлопотать и

...без суда и приговора,
В порядке красного террора
Владимир Ленский, одессит,
Как «враг народа» был убит (с. 66–67).

Татьяна порывает с Онегиным. Она стала сестрой милосердия и выходила тяжело раненного «в бок и грудь» генерала Гремина (в ход пошла и опера!), за которого вышла замуж.

Онегин благополучно перешел к белым и стал работать у них в контрразведке, брал взятки, разбогател, и уже «Морозной пылью серебрился / Его бровь воротник» (с. 91). Потом сбежал, объявился в Берлине, стал «сменовеховцем». Встретив там Татьяну, предложил ей выдать большевикам мужа-генерала. Татьяна, «руки не подавая», с отвращением уходит. А автор вслед за Пушкиным тоже покидает своего героя,

Зане с Онегиным таким
Мы больше знатья не хотим (с. 157).

Из последующих перевоплощений Онегина стоит коротко напомнить читателю знаменитую в свое время бойкую неприязательную поэму Александра Хазина «Возвращение Онегина. Глава одиннадцатая. Фрагменты» (впервые: Ленинград. 1946. № 10). Автор не стал превращать Онегина в чекиста или спекулянта. Он просто перенес своего героя из золотого века в послевоенный Ленинград и, хорошо понимая, что с советской властью шутить накладно, достаточно осторожно и тонко показал, что навсегда ушли из этого мира вежливость, доброжелательность, чувство собственного достоинства. Воспитанному человеку нет места в этом мире. В переполненном трамвае, «только раз толкнув в живот, / Ему сказали: идиот», а вызвать на дуэль герой не мог, так как «кто-то спер / Уже давно его перчатки»⁸. Поэма имела у ленинградцев большой успех. Знали ее наизусть и, смеясь, цитировали (в том числе и шестнадцатилетний юнец — автор этих строк).

⁸ Цит. по: Русская мысль. 1986, 29 авг. С. 8.

Намертво лишенная чувства юмора и до смерти боявшаяся веселого смеха советская власть почуяла в легких и изящных стихах нечто враждебное. Так Хазин попал в знаменитый доклад Жданова и партийное постановление 1946 г. Откормленный партийный функционер отвел ему почетное место в русской литературе, поставив «пошляка» рядом с гениальными «блудницей» Ахматовой и «подонком» Зощенко.

Естественно, пушкинский герой, если он оставался человеком («золотого века»), не мог не попасть в ГУЛАГ. Но таких текстов, к сожалению, практически не сохранилось. Известно небольшое стихотворение Юрия Казарновского (1904–1956), в котором на манер «Парнаса дыбом» (как бы Пушкин написал о советском концлагере) рассказывается, правда не об Онегине, а о его дяде:

Мой дядя самых честных правил,
Когда «внезапно» занемог,
Москву он тотчас же оставил,
Чтоб в Соловках отбыть свой срок⁹.

Существовала и поэма о «настоящем» Онегине (не чекисте и спекулянте). Она известна нам только в пересказе В.Н. Турбина в его по-смертно опубликованной статье. Онегин попал в лагерь: ему «пришили» террор — убил Ленского. Там петербургский щеголь катал тачку. Татьяна сидела неподалеку. Через колючую проволоку они переписывались. В своей статье Турбин горько сожалел, что не снял копию с этой поэмы, написанной онегинской строфой, «неплохими стихами»¹⁰.

*

К третьей категории «онегианы» следует отнести тексты, которые основаны на *переосмыслении* пушкинского романа. Здесь нет «Онегинных» и «Татьян», нет установки на пародию, сатиру. Это попытки осмыслить (в рамках идеологических, художественных) свое время и показать нам, как сделал это Пушкин, человека своего времени в своей среде. Связь таких произведений с «Онегиным» становится зыбкой, расплывчатой и трудноуловимой. Здесь мы от литературной игры, пародий и подражаний переходим к добротной литературной продукции, к текстам, органически вписанным в историю русской литературы вплоть до

⁹ Соловецкие острова. 1930. № 1. Цит. по: Русская литература XX века в зеркале пародии. С. 344.

¹⁰ Турбин В.Н. «Евгений Онегин» и мы // The Pushkin Journal. 1993. Vol. 1, no. 2. P. 197–198.

таких, без которых эта литература немислима, от лермонтовского «Героя нашего времени» до ахматовской «Поэмы без героя»¹¹. К этим прославленным именам можно добавить Каролину Павлову, Аполлона Григорьева, Мережковского, Вячеслава Иванова, Блока, Белого и многих-многих других...

Некоторые из этих произведений прямо ориентированы на пушкинский роман. Авторы по пушкинской модели создают свое изображение современной им русской жизни с ее настроениями и страстями. Такова талантливая «повесть в стихах» (что явно ориентировано на «роман в стихах») Дмитрия Мережковского «Вера» (1890). Ее соотносительность с пушкинским романом была с восторгом отмечена современниками: «“Ура! У нас новый Пушкин, новый ‘Евгений Онегин’!” — так ликовали мы, читали друг другу “Веру” как манифест радостного освобождения в культе Пушкина»¹².

Первые 15 строф описывают русское общество конца XIX в., несколько строф обращены к Пушкину, которого автор называет «свободным и счастливым», сумевшим «в гармонию печаль преобразить <...> весь мир и всю природу отразить» (272). Это действительно было «радостное освобождение» от идей предшествующей эпохи, от Чернышевского и Писарева¹³.

Герой Мережковского — Сергей Забелин, в отличие от Онегина получивший образование в классической гимназии и университете. Последователь Шопенгауэра, он так же, как и его прототип, — одинокий, скучающий скептик и мизантроп. Его друг Климов — народник, поклонник Глеба Успенского, живой и энергичный. И обстановка, в которой они спорят, по-пушкински поэтична:

Камин пылает, лампа на столе.
Сережа любовался в полумгле,
Как угольки просвечивали нежно
Сквозь тонкий пепел, и внимал небрежно,
С насмешливою думой на челе,
А Климов мерил комнату шагами,
Курил, кричал, размахивал руками (283).

¹¹ См. упомянутую выше книгу Ю.Н. Чумакова.

¹² *Мережковский Д.С.* Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. К.А. Кумпан. СПб., 2000. (Новая 6-ка поэта). С. 815–816 (примеч.). В дальнейшем ссылки на это издание даны в тексте.

¹³ О близости повести Мережковского к пушкинскому роману см. статью К. Кумпан (*Мережковский Д.С.* Стихотворения и поэмы. С. 43–44). См. также несколько интересных замечаний о близости «Веры» с «Онегиным»: *Сморodinская Т.* Проза Пушкина в поэтическом пересказе поэтов второй половины XIX века // *Континент.* 1999. № 102. С. 391–392.

Забелин болен, он уезжает на Кавказ, в Боржоми. Там он встречает Веру (может быть, реминисценция «Княжны Мери»). Автор рассказывает о сложных перипетиях любви своих героев. Письму Татьяны соответствует письмо Веры и выдержки из ее дневника. Возникшая между возлюбленными гармония кончается трагически. Испугавшись тягот брака, Забелин покидает Веру: «сумел любовь рассудком он убить». Вся эта печальная история происходит на фоне по-пушкински прозрачных осенних стихов:

Кончался август; с ласкою печальной
Глядело солнце; мягок и душист
В тени лесных тропинок желтый лист;
А небосвод, печальный и хрустальный,
Прозрачен, звонок, холоден и чист,
И с утренней росой на георгины
Ложатся нити тонкой паутины (309).

Вера умирает на руках у Забелина. Однако он, пораженный горем, находит в себе силы для новой и плодотворной деятельности: «сделалась любовь великой силой» (330). В последних строфах мы видим Забелина популярным, любимым студентами профессором. Друг его Климов, которого «из школы выгнали», как Рудина, едет в Сибирь: «узнать народ <...> он странствовал в деревню из деревни, ночуя в юрте у якут, в харчевне» (319, 331).

Финал «повести в стихах» кардинально отличает ее персонажей от героев «романа в стихах». Люди конца XIX в. — индивидуалисты, которые преодолевают влияние среды и не становятся «лишними», как их предшественники¹⁴. «Повесть» Мережковского является одним из лучших в русской литературе сознательных (связь ее с «Онегиным» очевидна) *переосмыслений* пушкинского романа.

В советское время попыток переосмысления Онегина, кажется, почти не появлялось. Эпоха не располагала к размышлениям о судьбах (печальных) русской интеллигенции. Тем не менее в заключение нашего краткого обзора позволим себе остановиться на поэме Павла Когана, написанной перед войной. В 1942 г. 24-летний автор погиб на фронте. Возможно, молодостью объясняется художественная слабость поэмы. Она называется «Первая треть» и имеет пушкинский подзаголовок «Роман в стихах». Первая строка этого «романа» почти дословно повторяет строку из «Графа Нулина»: «В последних числах января...» (у Пушки-

¹⁴ См. тонкие замечания К.А. Кумпан: *Мережковский Д.С.* Стихотворения и поэмы. С. 46–47.

на — «В последних числах сентября»), так что текст определенно ориентирован на Пушкина. О том же свидетельствуют эпиграфы к каждой главе, пропущенные строфы и пр.

Роман не был напечатан при жизни автора (впрочем, как и все другие его произведения), однако у его сокурсников по Литературному институту пользовался большим успехом (радость легкого узнавания классического образца тешила не слишком обширную эрудицию плюс правильная идеологическая позиция): «...студенты приняли ее с восторгом. Еще не готовая она по частям ходила в списках»¹⁵.

Роман не закончен — написано лишь 4 главы, но и написанное позволяет определить его идеологическую, «классовую» направленность. Естественно, в поэме два героя, но, в отличие от Пушкина, главным героем у Когана становится не «Онегин», а противопоставленный скептическому персонажу тоже поэт и тоже Владимир, но с фамилией Радин. (Первоначально в заглавии поэмы, по пушкинской модели, стояли имя и фамилия главного героя: тогда он звался Владимир Рогов.) Возможно, фамилией Радин (от «радость») автор подчеркивал оптимизм протагониста романа. С пренебрежением рассказывается об отце юного поэта: он «спец», «беспартийная душа». Не лишенный автобиографических черт сынок относится к нему с презрительным снисхождением. Сын почитает коммунистическую партию (вместе с ЧК) и не чужд павлик-морозовских комплексов:

В лице молочниц и мамыши
Мы били контру на дому,
Двенадцатилетние чекисты...
Из всех неоспоримых истин
Мы знали партию одну¹⁶.

Восторженному поэту-«чекисту» противостоит его друг, скептик и циник Олег Заречин. Отец Олега, адвокат, арестован, но сын даже не выслан и продолжает спокойно жить в роскошной отцовской квартире. Здесь происходит разговор Владимира с Олегом — идеологический центр написанной части романа. Новый «Онегин» не собирается «ударивать в устах охладительное слово». Он высмеивает друга, который

¹⁵ *Самойлов Д.* Поденные записи: В 2 т. М., 2002. Т. 1 / Подгот. публ. и сост. Г. Медведевой, А. Давыдова, Е. Наливайко. С. 163.

¹⁶ Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне / Вступ. ст. В. Кардина; сост., подгот. текста, биографич. справки и примеч. В. Кардина и И. Ускок. М.–Л., 1965. (Б-ка поэта. Большая серия). С. 294.

...трактористку воплотил
В прекрасной Афродиты тело¹⁷.

Его стихи, с точки зрения скептика, пахнут «приспособленчеством и дрянью» (287). В это тяжелое время лучше уютно укрыться за «портьерой» в маленьком мире, где Рембо и Ницше, отгородиться от «баб», «подсолнухов» и «махорки» Фетом и Леконтом де Лилем.

Эта, как сказали бы мы теперь, экзистенциальная интеллигентская позиция вызывает горячую отповедь («медной ярости комок жег губы купоросом») молодого поэта (из-за его плеча всё время выглядывает автор), презирующего «маленький уютец». Ср. в знаменитой «Бригантине» Павла Когана: «Пьем за яростных, за непохожих, / За презревших грошевой уют».

Так давнее пушкинское противопоставление скептика и идеалиста переосмысляется комсомольским поэтом: нынешний «Ленский» принимает пролетарскую революцию и готов служить ей своими стихами.

Продолжается переосмысление «Онегина» и после крушения советской власти. Появилась в недавнее время (1991) поэма талантливого Тимура Кибирова «Сортиры». Несмотря на шокирующее название, поэт в своем творении явно ориентируется на пушкинский роман. Он использует достаточно изысканную строфу (не онегинскую, а октаву), что сразу вызывает ассоциации с «Домиком в Коломне»; часто встречаются enjambements, обильны лирические отступления, обращения к писателям-современникам и пр. Свою связь с Пушкиным, особенно в сфере избранной тематики, автор четко обозначает: «Пушкин тоже / об афедроне царском написал / и о хвостовской оде...» Реминисценции из Пушкина и обращения к великому предшественнику рассыпаны по всей поэме:

Сестра таланта, где же ты, сестрица?
Уж три десятка строф я миновал,
А описал покамест лишь крупницу
Из тех богатств, что смутно прозревал
Я сквозь кристалл магический...

Взирая сквозь *магический кристалл*, позаимствованный у Пушкина, автор мастерски описывает различные отхожие места, их использование героями и их *богатое* содержимое. Так переосмысленный пушкинский роман опускается из изысканных петербургских гостиных и поэтических дворянских усадеб всё ниже и глубже, обретая на этом пути новые перспективы (или глубины?).

¹⁷ Там же. С. 288, 287.

*

Совсем другие настроения и другое отношение к одряхлевшей коммунистической власти, нежели у комсомольцев 1920–1930-х гг., были у интеллигенции в 1960-е гг. Об этом рассказывает незаконченная, как у Павла Когана, и до сего дня ненапечатанная поэма Василия Бетаки «Герой 60-х годов. Недороман» — единственное у этого талантливого поэта произведение эпического жанра. Она по своему типу тоже принадлежит к *переосмыслениям* «Онегина». Связь ее с классическим образцом очевидна — таков был с самого начала авторский замысел.

Василий Павлович Бетаки оставил по себе богатое наследство: 19 сборников стихов, прекрасные переводы, том ярких эссе «Русская поэзия за 30 лет, 1956–1986», блистательные мемуары «Снова Казанова» и многое-многое другое. Бетаки был многолетним сотрудником радио «Свобода», членом редколлегии журналов «Грани» и «Континент».

Мы дружили со студенческих лет. Я даже написал примитивную аннотацию к его первой и единственной вышедшей в СССР книге стихов «Земное пламя» (1965), за что и получил дарственный экземпляр со стихотворным инскриптом:

У всякой книжки имеется хвост
(А также у всякой собаки),
Но все-таки легче (хоть труд и не прост)
Собаке записку приделать на хвост,
Чем аннотацию к книжке Бетаки.

В 1990-х я задумал книгу о рецепции «Евгения Онегина» в Советской России (несколько статей на эту тему были написаны). Тогда я вспомнил, что Вася где-то в 1960-е гг. писал (и не закончил) поэму о современном герое, ориентированную на пушкинский образец. Мне думалась, что можно будет завершить книгу анализом этой поэмы. Я написал в Париж, в ответ получил машинописный текст на старой пожелтевшей бумаге, вырванный из какой-то старой толстой тетради или из подборки текстов (нумерация чернилами: 296–391), с многими пометами на полях (в дальнейшем эта рукопись обозначена литерой Б). Текст сопровождался письмом (без даты, на конверте 8 января 1999):

Марик¹⁸! — К «Онегину», я думаю, это имеет отношение лишь тем, что задумано как «Энциклопедия» и т. д. 60-х гг., когда и писалось. А бросил потому, что, как видно из строф, где я спорю с тобой (октавы 70–71), сюжет делать, хоть лопни, я не умею. Не эпик я, — лирик. На самом деле роман без сюжета вообще ??? <!> «уходит в отступления сюжет», у Байрона на 40% текста, у Пушкина — на 60%. Ну а я на 110% — где взял я эти 10%, сам не знаю. Да и надоело. А хотел его, т.е. Юрку, сначала застудентить, потом... «А что потом»¹⁹ (как спросил классик).

Ну и заслать в эмиграцию...

Но как подумал (еще до своей эмиграции), что не потяну всё это, так и лень стало писать... Ну что — разве собрать кучу персонажей, как на балу у Фамусова, да каждому по октаве?? Скучно.

Да формально (октавно) это к Жуану ближе, чем к Онегину. Но плутовской приключенческий написать не умею...

Б<етаки>

Полученному тексту я обрадовался. Поэма была задумана (да отчасти и выполнена) как «энциклопедия» 60-х, т.е. по образцу «Онегина» (отсылка в Васином письме к не очень удачному определению «Онегина» Белинским: «энциклопедия русской жизни»), т.е., несмотря на байроновские октавы, все-таки ближе к Пушкину. Позволю себе привести свое ответное письмо, т.к. там содержатся существенные для меня замечания по поводу советских рецепций «Онегина» вообще и о поэме Василия в частности.

¹⁸ Так в молодости меня звали друзья.

¹⁹ Строка из известного стихотворения Е. Евтушенко: «Ты спрашивала шепотом: / “А что потом? А что потом?” / Постель была расстелена, / и ты была растеряна». Стихи вызвали лютую ненависть у комсомольских вожаков.

Feb. 24, 1999

Pittsburgh

Дорогой Базиль, то бишь Васька!

Получил твой царственный, небрежно брошенный филологической челяди — дар: собственную рукопись с пометами, поправками и комментариями.

Ваше Королевское Поэтическое Величество!

1. Прикажете вернуть, снявши (не голову!) копию. (Это трудно, т.к. пометы лучше разбирать в оригинале)
2. Оставить пока... до возвращения <твоего> к оставленной теме.

Прочел и разобрал с неослабевающим интересом. Это ведь уже история с намеками, отсылками, именами. Уже нужен комментарий, как к настоящему «Онегину», и уже получился интереснейший памятник — и важное подтверждение моей мысли: «Онегин» как порождающая модель русской культуры, в 60-е годы свободная онегинская форма стала и формой (формулой) освобождения и фрондерства.

В общем и написано это хорошо, и весело, и остроумно. Может, и напечатаешь куски уже с комментариями? Тогда-то ведь и напечатать это без купюр (а тогда и аромат эпохи и дух сочинения потерялся бы) было невозможно.

Вообще это всё очень интересно. Я думаю, что «Биографию Онегина» можно, наверное, закончить разделом таких «переписываний» на новый лад и в новое время. Недавно (1993) вышел роман в стихах Владимира Гандельсмана «Там на Неве дом», терцинами, а у тебя октавами (всё это на самом деле рецепции онегинской строфы) — классическая, необычная, изысканная форма. Не знаешь ли еще примеров? В этой системе твои неоконченные строфы нашли бы почетное и интереснейшее место.

Но это всё на будущее. Пока, сейчас, занят подготовкой двух докладов: для России и Голландии (там две конференции в этом году).

В следующем, надеюсь, займусь книгой, составленной из работ о Пушкине и его окружении. Там большое место должна занять «биография Онегина в руках пушкинистов, критиков и поэтов» — там будет, если не возражаешь, — твое место²⁰.

²⁰ В книгу «Между двух царей. Пушкин 1826–1836» (СПб., 2003) эта глава не вошла. Статья под таким названием была напечатана в «Новом журнале» (1998. № 211. С. 173–198), но о современной литературе там не говорилось.

Кончаю, Василий Павлович, твой полный тезка²¹, решительно требует еды: время его обеда подошло, и он лапой теребит мои усы и говорит не «давай улетим», а «пойдем поедим».

Лена, у которой только что вышла книга «Герцен на западе»²² (Мы еще не видели. Когда доплывет и долетит — получите экземпляр), передает приветы. И мы вас обнимаем.

Рукопись, естественно, осталась у меня, к ней потом добавились и другие тексты, но об этом позднее, когда пойдет речь о проблемах текстологии. А сейчас следует сказать несколько слов о предлагаемом вниманию читателя тексте.

Как уже говорилось, роман («недороман») ориентирован, как писал автор, на байроновского «Дон Жуана», но через него всё равно на «Онегина», которого сам Пушкин называл «романом в стихах, вроде “Дон Жуана”». Да и я хорошо помню, что Вася, когда увлеченно писал эти октавы, говорил, что ориентируется на Пушкина.

В отличие от великого образца, у Бетаки нет героя (что, впрочем, после «Поэмы без героя» вовсе не удивительно). Это объясняется и особенностями авторского дарования (о чем он писал в приведенном выше письме), и незаконченностью поэмы. Он даже собирался было написать мемуары в стихах (случай в литературе был бы уникальный!). Как увидит читатель, герой в поэме всё же появился, и первоначально его имя, Юрка, даже было вынесено в заглавие. Однако сюжетная линия у автора почти не получилась (что сам В.П. хорошо понимал). Он и рассказал об этом. Недаром в строфе 66 первой главы он не только постулировал отсутствие сюжета, который «не получился», но еще и специально отметил, что это «главная строфа всего романа». Однако без героя (или двух — скептика и идеалиста) поэма стала едва ли не еще интереснее. В ней описана интеллектуальная жизнь 1960-х — знаменательной, уже ушедшей в прошлое эпохи.

Поэма полна мотивами литературной жизни, но в еще большей, чем у Пушкина, степени. Действительно, только в 1960-е (ни раньше, ни позже, кроме, может быть, «золотого века») культурная жизнь русской интеллигенции была пронизана литературными интересами. Никогда стихи, читаемые поэтами, не собирали тысячи слушателей на стадионах

²¹ Любимый кот, названный в честь В.П. Бетаки и В.П. Аксенова.

²² Дрыжаква Е.Н. Герцен на Западе. В лабиринте надежд, славы и отречений. СПб., 1999.

и в огромных залах. Сборники стихов, издававшиеся многотысячными тиражами, моментально исчезали с книжных прилавков²³.

Неудивительно поэтому, что весь «недороман» пропитан литературными реминисценциями, скрытыми цитатами и отсылками к поэтическим текстам. Некоторые из них явные, другие уже не очень (последние по мере сил объяснены в комментариях). Эта литературная стихия бушует на страницах поэмы гораздо сильнее, чем у Пушкина, и здесь Бетаки ближе к Байрону. Автор ведет нас и в литературную кухню советской эпохи: сочиняет «заявки», редактор вмешивается в текст²⁴ и т.д., и т.п.

Большое место в поэме занимает природа. Изысканные октавы описывают не менее изысканный аристократический Петербург, хотя тогда он еще назывался Ленинград:

День пасмурный, безветренный, бездождный
Играет желтым шорохом листвы,
Прозрачные аллеи чуть тревожны,
И замирают мраморные львы.

Возникают и поэтические картины петербургских пригородов, где автор слышит «тайный голос Незнакомки»:

Овеянный кленовой тишиной,
В которой растворен сосновый запах,
И перламутрово глядит с утра
На Озерки Поклонная Гора.

Слияние с природой вообще характерно для поэтики Василия Бетаки. Он живет с ней и внутри ее. Отсюда естественно вытекает то большое внимание, которое уделено в поэме туризму. Это тоже явная примета времени. Слово «туризм» в 1960-е означало совсем не то, что обычно понимается под ним сейчас: путешествие по миру на самолете, пароходе, в поезде, на автобусе с остановкой в более или менее комфортабельных гостиницах, иногда индивидуально, часто в туристской

²³ Помню, на каком-то сборище, кажется в Союзе писателей, в перерыве продавался сборник стихов Евтушенко. Вокруг стола образовалась большая толпа. Мне с моим небольшим ростом и довольно шуплой комплекцией можно было только беспомощно взирать на чужие спины. К счастью, широкоплечий Борис Федорович Егоров смело протиснулся к столу и вернулся с двумя экземплярами небольшой книжки, один из которых великодушно протянул нам. Это был сборник «Нежность: Новые стихи» (1962). Тираж 100.000 экз. За вышедший минимальным тиражом (15.000) синий томик Мандельштама в «Библиотеке поэта» наша близкая приятельница отдала свою месячную зарплату.

²⁴ Ходила грустная шутка: столб — это хорошо отредактированная сосна.

группе с гидом, который присматривает за вашим багажом, за вашей безопасностью и комфортом.

В русском языке нет эквивалента английскому “to hike” — путешествовать пешком на большие расстояния (поход). Такие путешествия представляли собою существенную часть интеллигентского досуга 1960-х гг. Путешествовали пешком с тяжелыми рюкзаками, с ночевками в палатках, плыли на лодках, отправлялись в долгие путешествия на велосипедах. По week-end’ам совершали долгие пешие прогулки (иногда с ночевкой в палатках), пробегали десятки километров на лыжах.

Это была своеобразная форма эскапизма, уход от опротивевшей повседневности со лживыми газетами, репродукторами, кумачовыми лозунгами «народ и партия едины», с надоевшими рожами вождей на праздничных плакатах²⁵. Неслучайно в публикуемой поэме так часто поминается имя Жан-Жака Руссо, иногда даже иронически: «Кому не лень, на тысячи ладов / Клянут “неволю душных городов”»²⁶. Уход от большевистской «цивилизации» ассоциировался с естественным бытием человека в работах французского философа.

Кстати, за городом не работали «глушилки», и по транзисторному приемнику можно было без помех слушать «враждебные голоса».

Такие путешествия иногда бывали и опасными. Большой популярностью пользовалось стихотворение Е. Евтушенко «Нигилист» (1962). Герой его — интеллигент, предпочитавший Пикассо Герасимову, читавший Хемингуэя. Родственники, «честные производственники», звали его «нигилист»²⁷:

Могила есть простая
Среди гранитных глыб.
Товарища спасая,
«Нигилист» погиб.

Ярым велосипедным туристом был и В.П. чуть не до последних дней жизни. Правда, в старости многокилометровым велосипедным путешествиям приходилось предпочитать лодку и весла:

И всё же я жизнью доволен вполне:
Как никому повезло —
Ведь сегодня еще остается мне
Байдарочное весло!

²⁵ Евтушенко писал (про Америку, конечно!): «Вы на рожи эти гляньте, / До чего ж не хороши! // И никто не лучше рожею, / на рекламах столько рож, / и такие все похожие — / никого не разберешь» (поэма «Под кожей статуи Свободы»).

²⁶ В монологе Алеко очевидны руссоистские мотивы.

²⁷ Немного позднее стали говорить «диссидент», «нонконформист».

Веселится Дордонь в крутых берегах —
 Встречной веткой шапчонку ссади...
 Но не надо о велосипедных путях
 И о тысяче верст позади...

От Балтики к Черному — и не раз —
 Оставлял я невидимый след...
 А теперь — никуда — хоть крути битый час
 Мой комнатный велосипед²⁸.

И действительно, до Пицунды Вася, «имея неограниченное время, ездил прямо из Питера на велосипеде. Занимало это примерно две недели в один конец. Портфель, застегнутый на два замка и перекинутый через раму, содержал всё тяжелое, на багажнике сзади лежала маленькая свернутая трехгранная палатка, колыями для нее служили две лыжные палки без колесиков, привязанные к раме вдоль. Да еще на спине был рюкзачок с одеждой»²⁹.

Неудивительно, что туристско-велосипедная тема занимает почетное место в публикуемой поэме³⁰. Здесь герои едут на велосипедах в Новгород и Псков. О поездках в эти места В.П., прославляя велосипедный туризм, писал и в ранних стихах:

Велосипеды черные — как лица от жары!
 Дорога на Печеры — с горы, с горы,
 И тормоза грозятся сорваться по косой...
 Долой цивилизацию, даешь Руссо!³¹

Новгород и Псков были особенно любимы странниками-интеллигентами. Здесь (особенно в Пскове) хорошо сохранилась средневековая Русь. И главное, это были города некогда свободной России, вольные города-республики. Нас, как декабристов, привлекала возможность порассуждать и помечтать об альтернативных путях русской истории. За

²⁸ Строфы из стихотворения «Марку Альтшуллеру» (2011). Елена Кассель писала 18 августа 2018 г.: «Стихи, посвященные тебе, напечатаны в ростовском издании “32 полосы” и в книжке “Поздний кузнецик” по заявкам читателей». См.: *Бетаки В.* Поздний кузнецик. Париж–Одесса, 2013. С. 218–219.

²⁹ *Бетаки В.* Снова Казанова. (Меее..! МУУУ..! А? РРРР!!!!). München, 2011. С. 236. Далее: Мемуары, с указанием на стр. Точно так же описано в поэме велосипедное путешествие героев: «Палатку на багажник укрепив / и через рамы застегнув портфели» (гл. 1, строфа 5).

³⁰ Строфы 52, 53 из «Недоромана» («Люблю асфальт, летящий под колеса» и пр.) В.П. включил в свои мемуары сразу после рассказа о поездке на велосипеде в Пицунду.

³¹ *Бетаки В.* Замыкание времени. Paris, 1974. С. 111 (стихотворение «Гостиница в Печерах»). Далее: Бетаки 1974.

городскими стенами зарождалась возможность другого, европейского пути. Но татарское иго, абсолютная власть восточных владык надолго (может быть, навсегда) стала моделью управления для всех русских царей (как бы их ни называли).

О загубленной, неосуществившейся русской свободе Бетаки писал в своей первой книге стихов («Баллада о вечевом колоколе. Псков 1510»):

Из Москвы явился думный дьяк Долматов,
Вышел на помост, читая по тетради:
«Не быти посаднику и не быти князю,
И не быти вечу во Плескове-граде!»³²

Несколько неожиданной кажется внезапно вторгающаяся в рассказ (гл. 2) тема музеев и экскурсоводов. Она, конечно, автобиографична: В. Бетаки несколько лет работал экскурсоводом и старшим методистом в Павловске. Но, как всегда, у незаурядного поэта личное переживание, события личной биографии оказываются заметным явлением общественной жизни.

К примеру, читая увлекательные мемуары геолога и поэта Елены Кумпан «Ближний подступ к легенде» (СПб., 2005), вдруг узнаем, что она, бросив свою престижную профессию, стала экскурсоводом. Экскурсоводом работал и Михаил Веллер, с язвительным юмором рассказавший о своих трудовых подвигах в Музее истории религии и атеизма (Казанский собор)³³. Молодого обаятельного студента Сеню Рогинского любили в Михайловском заповеднике все, от методистов до уборщиц и шоферов.

Музеи, хранители оживающего в их стенах и запасниках прошлого, тоже становились пространством эскапизма, куда можно было уйти от осточертевшего лживого настоящего. А толпы экскурсантов, с разинутыми ртами внимавших вещаниям молодых, веселых и остроумных гидов, давали возможность талантливой молодежи и похулиганить³⁴.

Так, Костя Кузьминский «имел обыкновение останавливать экскурсантов против портрета Петра Первого и гравюры, изображавшей Гангутскую морскую битву, и произносить следующий текст: “В 1703 году Петр Великий прорубил окно в Европу, которое с тех пор *не закрывалось ровно 214 лет* <т.е. аккуратно до 1917. — М.А.>. Пойдем дальше”»³⁵.

³² Бетаки В. Земное пламя: Стихи. М.–Л., 1965. С. 63.

³³ Веллер М. Странник и его страна. М., 2016. С. 269–295.

³⁴ Не буду пересказывать, как старший методист Павловских музеев развлекался в царской кровати с молодой экскурсоводкой. См.: Мемуары. С. 166–167.

³⁵ Мемуары. С. 160. Подробнее о Кузьминском см. примеч. 49. В последней редакции (гл. 2, строфа 56) этот эпизод введен в текст поэмы.

Сергей Довлатов, ведя экскурсию в Михайловском, с чувством прочел стихи Пушкина<!>, посвященные няне:

Ты жива еще моя старушка,
Жив и я. Привет тебе, привет ...и т.д.³⁶

Конечно, в экскурсионной деятельности, как и в любой идеологической (и не только идеологической), преобладали рутинная и халтурная: бесцветные заученные штампы, бюрократически-занудливая речь, безвкусица, о чем с гневом и раздражением повествуют строфы 48–53 второй главы:

Эмоций полон рот, а информации
На сотню слов полбита не найдешь:
...Вот этой вазой должен восхищаться я
Или «вот этот стул — как он хорош:
Изысканные линии стремятся и...» и т.д. и т.п.

Так вместо сюжетного повествования получилась у Бетаки если не «энциклопедия русской жизни», то, по крайней мере, рассказ о жизни, настроениях, интересах русской интеллигенции 1960-х гг.

При этом, несмотря на разного рода инвективы и саркастические замечания, весь «Недороман» Василия Бетаки проникнут оптимизмом шестидесятых. После смерти усатого людоеда и впечатляющей речи Хрущева нам действительно казалось, что наступила новая эпоха: появились новые люди, новые идеи, новая литература. Эти настроения отразились и в предлагаемой читателю поэме.

Оптимизм закончился лязгом советских танков по улицам Праги. Это была катастрофа, полный и окончательный крах всех иллюзий. Возможно, еще и поэтому осталась незаконченной поэма.

Александр Володин писал:

Потом надежд наивных эра,
шестидесятые года.
Опять глупцы, как пионеры,
нельзя и вспомнить без стыда...

Да, мы были глупыми оптимистами, а в России трудно быть оптимистом, даже если, по Чуковскому, «жить долго». Стыдиться, может быть, и нечего, но печально. Всё повторяется. Оттепель прошла и кон-

³⁶ Довлатов С. Заповедник. Ann Arbor, 1983. С. 41.

чилась. После бескровной революции 1991 г. прошло 10 лет свободы, и протухшая тоталитарная идеология, как облезлый феникс, снова вылезает из смердящего пепла.

*

В моем архиве, как я уже говорил, находятся два варианта поэмы. Первый — машинопись на старой пожелтевшей бумаге, вырванной из какой-то старой толстой тетради или из подборки текстов (нумерация чернилами: 296–391), с многими пометами на полях. Этот ранний вариант обозначен в дальнейшем литерой Б.

Послав мне незаконченный роман, В.П., видимо, снова им заинтересовался, задумался и, вернувшись к оставленному замыслу, привел в порядок брошенную рукопись, переставил строфы, перекроил композицию, сделав изложение чуть более последовательным, сократил текст и прислал мне новый вариант со следующим письмом (без даты, на конверте с трудом прочитывается 10<?>, т.е. октябрь 2000):

Дорогой Марик!

Вот приходится гусиным пером писать: принтера нет, а машинка (IBM) уже лет 10 как в помойке!

Посылаю всё так, как составил — октавы старые и новые. Проблемы — для важности (Пушкину можно, а мне нельзя???)

Выбери любые и в любом количестве от 5–6 и до ...³⁷ В общем «карт бланш». Пересоставь и перенумеруй их, как тебе покажется нужным. Потом обсудим.

Привет Лене,

Вася

Очевидно, этот вариант сам автор считал почти окончательным. Позднее он прислал еще несколько дополнений. А недавно (16 августа 2018) Елена Кассель, вдова Бетаки, написала мне:

Васька к этому своему роману относился со смехом, как, впрочем, к большей части того, что было им написано в 60-ые. Хотя есть, конечно, стихи 60-х, которые он продолжал ценить. Но при всем насмешливом отношении всё же он перевел текст в компьютер, так что я тебе его сейчас приторочу к письму.

---

³⁷ Речь идет о включении цитат из рукописи в предполагаемую книгу о реминисценциях «Онегина».

Так мне был прислан последний вариант поэмы, который, надо полагать, представляет собою не то чтобы текст, который автор считал окончательным, но строфы, которые он «продолжал ценить». Здесь оказалось несколько новых строф, но очень многое из двух предыдущих вариантов отсутствовало. По существу поэма перестала быть поэмой, а стала просто набором нескольких десятков строф.

Таким образом, текстология поэмы оказалась довольно сложной. За основу взят текст присланной мне второй рукописи, явно отражающий последнюю авторскую волю. Здесь сильно изменена композиция, так что появилось некоторое подобие хронологически развернутого сюжета. Этот текст в дальнейшем обозначается литерой А. Он публикуется полностью.

По строгим академическим правилам всё остальное должно быть вынесено в приложения (ранние или поздние варианты) и подстрочные примечания. Этого, однако, с нашей точки зрения, делать не следует. Первый вариант (Б) отражает мысли и настроения автора («всё, что было написано в 1960–70 годах») и является достаточно ярким памятником ушедшей эпохи. Позднее Бетаки сильно сократил текст, убрал слабые и устаревшие, с его точки зрения, стихи. При этом поэма во многом утратила живое дыхание времени. Еще меньше его в последней, очень небольшой рукописи, присланной Еленой Кассель, которую мы обозначаем литерой В.

Желая сохранить аромат эпохи, мы, публикуя полностью текст А, вставляем в соответствующие места в угловых скобках пропущенные строфы из рукописи Б, обозначая их номером строфы, предшествующей вставке, с литерой (а, б, в и т.д.). То же мы проделываем с несколькими строфами последней рукописи — В. Комментарии публикатора, вводящие строфы из текстов Б и В, даны в основном тексте в угловых скобках. Зачеркнутые фрагменты даны в прямых скобках. Авторские прозаические вставки выделены жирным шрифтом.

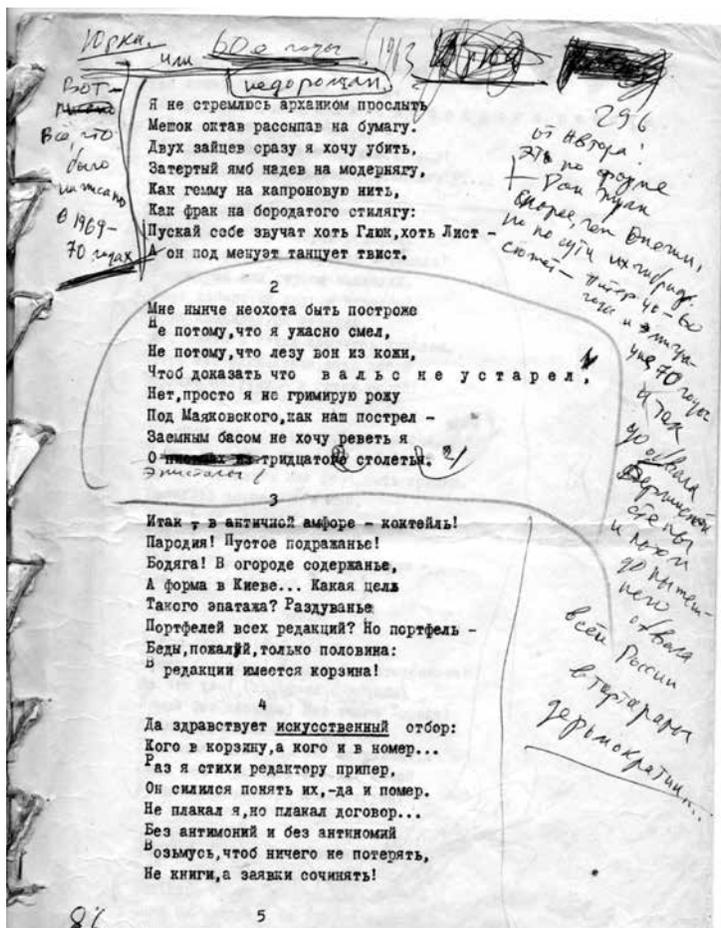
Варианты рукописей отмечаются в подстрочных примечаниях. Примечания автора печатаются тоже под строкой и, в отличие от примечаний публикатора, помечены литерами (В.Б.) в скобках. Наши примечания не претендуют на полноту. Мы стараемся по мере сил откомментировать лишь то, что, с нашей точки зрения, нуждается в объяснениях для современного читателя, и то, что дополняет рассказ автора нашими личными воспоминаниями.

Василий Бетаки

ГЕРОЙ 60-х ГОДОВ

Недороман¹

ГЛАВА ПЕРВАЯ

¹ В рукописи Б на полях заглавие «Юрка, или 60-е годы (недороман)». Справа чернилами добавлено очень важное замечание: «Вот — всё, что было написано в 1960–70 годах. Это по форме “Дон Жуан” скорее, чем “Онегин”, но по сути их гибрид. Сюжет: Питер 40–60 годы и эмиграция уже 70 годы и так до обвала Берлинской стены и потом до нынешнего обвала всей России в тартарары дермократии...» В рукописи В поэма озаглавлена «Шестидесятые годы. Недороман в октавах».

1.
 Я не стремлюсь архаиком прослыть,
 Мешок октав рассыпав на бумагу.
 Двух зайцев сразу я хочу убить,
 Затертый ямб одев на модернягу,
 Как гемму на капроновую нить,
 Как фрак на бородатого стилиягу,
 Пускай себе звучат хоть Глюк, хоть Лист,
 А он под менюэт танцует твист.

2.
 Мне вовсе² неохота быть построже,
 Не потому, что я ужасно смел,
 Не потому, что лезу вон из кожи,
 Чтоб доказать, что «вальс не устарел»³.
 Нет, просто я не гримирую рожу
 Под Маяковского, как наш пострел:
 Заемным басом не хочу реветь я
 Эпистолы в тридцатое столетье⁴.

3.
 Итак — в античной амфоре коктейль!
 Пародия? Пустое подражанье?
 Бодяга: в огороде содержанье,
 А форма в Киеве? Какая цель
 Такого эпатажа? Раздуванье
 Портфелей всех редакций? Но портфель
 Беды, пожалуй, только половина:
 В редакции имеется **корзина!**

² В рукописи Б: нынче.

³ См. у Е. Евтушенко (*В.Б.*). Имеется в виду первая строка стихотворения «Вальс о вальсе», ставшего популярной песней: «Вальс устарел, говорит кое-кто смеясь...»

⁴ Как это сделал Р. Рождественский (*В.Б.*). В рукописи Б было: «О письмах из тридцатого столетья». Имеется в виду поэма Рождественского «Письмо в тридцатое столетье» (1963), вполне официозная и демонстративно подражающая Маяковскому: «В трехтысячном в дебрях большого музейного здания вы детям о нашем столетье рассказывать станете...» Ср.: «Уважаемые товарищи потомки, / Роясь в сегодняшнем окаменевшем дерьме, / наших дней перебирая обломки, / Вы возможно, вспомните и обо мне...» («Во весь голос»).

4.

Да здравствует искусственный⁵ отбор —
Кого в корзину, а кого и в номер!
Раз я стишки⁶ редактору припер,
Он силился понять их да и помер,
Не плакал я, но плакал договор...
Без антимоний и без антиномий
Возьмусь, чтоб ничего не потерять,
Не книги, а заявки сочинять!

5.

Когда ж заявка станет строчкой плана,
Где сказано, о чем и как пишу,
Возьму бумагу и, не встав с дивана,
На кошку «Беломором» подышу,
Отправляюсь в «даль свободного романа»,
Но сухарей заранее насушу:
Простите мне предосторожность эту:
Ведь чем роман свободней, тем поэту...

6.

«Ищу героя»⁷, — Байрон говорил.
Но полтора года лет прошло. Немало?
Двадцатый век героев наплодил,
Бери любого, их кругом навалом.
Я их кандидатуры отводил —
Они опять в стихи ломались шквалом...
Чего тут удивляться! Ведь любой
Приказ получит — и готов герой!

7.

Об этом нам свидетельствует песня⁸.
Я мог бы взять героя из нее,
Но не заставить мне себя, хоть тресни,
Напаять довоенное белье,

⁵ В рукописи Б слово «искусственный» подчеркнуто. Автор, видимо, хотел подчеркнуть каламбур: искусственный (не естественный!) отбор — в редакции, в цензуре.

⁶ В рукописи Б: стихи.

⁷ Начало первой песни «Дон-Жуана»: «Ищу героя! Нынче, что ни год, / Являются герои...» (Пер. Т. Гнедич).

⁸ В фильме «Веселые ребята» (1934): «Когда страна прикажет быть героем, / у нас героем становится любой» (В.Б.). В рукописи Б на полях: «“Легко на сердце от песни веселой” к/ф “Веселые ребята”».

Да и тебе, читатель, интересней
 Увидеть если не лицо свое,
 Так бороду хотя бы. Но не скрою:
 Она не обязательна герою.

8.

И все-таки герой без бороды!
 Гусар без шпор и врач без стетоскопа!
 Да что там: гидроузел без воды,
 Лимон без коньяка, без нас Европа!
 Кавказ без шашлыка и тамады!
 Редакция «Невы» без остолопа!
 Ведь так гордились бородой своей
 Кузьминский⁹, Кастро и Хемингуэй!

<В рукописи Б следует тщательно зачеркнутая строфа, на полях написано: «плохо».

8а

Барбудо¹⁰. Перевода здесь не надо!
 Винтовка и ремни наперекос,
 И сьерра¹¹ (хоть Маэстра, хоть Невада —
 Была бы сьерра). Но другой вопрос:
 Барбудос на проспектах Ленинграда!
 И посему отец ему принес>

(9, 10, 11)

12

⁹ Кузьминский Константин Константинович (1940–2015) — поэт, составитель «Антологии новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны» (в 9 т.). Антология представляет собою беспорядочный набор текстов (стихов, писем, записок, воспоминаний, фотографий и пр.), но в то же время и бесценный материал для изучения эпохи. Бетаки пишет о нем: «...Константин Кузьминский. С рыжей бородой и озорным взглядом — поэт, болтун, сплетник и, честно говоря, редкостный бездельник, но обаятельный и веселый» (Мемуары. С. 160).

¹⁰ Barbudo (*исп.*) — бородач. Так называли Фиделя Кастро и его приспешников. Мода на бороды тогда появилась в России.

¹¹ Sierra (*исп.*) — горная цепь.

¹² В рукописи Б (л.2об., 297) к этому месту примечание: «9–13 автор с героем вместе путешествуют далее на велосипедах (Как в «Онегине» пробел, но потому, что плохо написал)».

12.

Едва лишь очертив конфигурацию
Героя, я попер его в «Неву»¹³,
Но тут же получаю рекламацию,
Что оборвал, мол, первую главу:
«Где у тебя завязка? Кульминация?»
Я и без них отлично проживу,
А мой герой о них совсем не знает:
Ведь у него профессия иная...

13.

Сейчас к его студенческим годам
Вернусь и выдумаю их на славу!
Но предварительно еще раз дам
Понять, что я по авторскому праву
Могу... Да всё могу, хоть пополам
Рассею любую строчку и октаву,
Себе позволю что угодно, но
Правдиво... Да, а иногда смешно...

14¹⁴.

Пока легко и весело поэма
Спешит своей дорожкой, как бегун,
Пока любая сложная проблема
Ложится в восемь строк на восемь струн,
Пока цела в октаве рифм трирема —
Мне не указ ни Спенсер¹⁵, ни Кежун¹⁶:
Последней парой строк любой октавы
Могу я усекать¹⁷ любые главы.

¹³ Редакция журнала находилась тогда в начале Невского проспекта, близ Адмиралтейства. В 1946 г., после разгромного доклада Жданова и постановлений ЦК ВКП(б), был закрыт журнал «Ленинград»: партийные вожди считали, что два литературных журнала во втором по величине городе огромной страны — это слишком много. В 1955 г., через два года после смерти Сталина, в Ленинграде появился второй журнал, названный топонимом «Нева». В 1969 г. появился третий, «молодежный» журнал «Аврора».

¹⁴ В рукописи Б (с. 69) вся строфа и номер зачеркнуты, сверху написано: «Это в гл. II. строфа 3». Как видим, строфа осталась в гл. I, только перенесена в другое место — свидетельство неопределившейся композиции. Получилось «собрание пестрых строф», каждая (или почти каждая) имеет самостоятельную ценность.

¹⁵ Эдмунд Спенсер (1552–1599) — английский поэт. Его главное произведение, «Королева фей», написано строфой, названной в честь автора «спенсеровой», — октавой с усложненной системой рифмовки и добавленной девятой строкой.

¹⁶ 2013: Советский гр <аф> Хвостов. Самый дурацкий графоман в Питере (В.Б.), Кежун Бронислав Адольфович (1914–1984) — советский официозный поэт.

¹⁷ В рукописи Б: обрывать (зачеркнуто и исправлено: усекать).

(15–21)

.....
22.

Однако же куда спешил он так?
На уголке, знакомом всем пижонам,
Внизу, где был когда-то «Главтабак»,
Кафе с названием неопределенным
В те дни еще скрипело кое-как.
Звалось то «Подмосковьем», то «Сайгоном»,
То «Петухами»: кафели стены
Там были петьками испещрены.

23.

Нет, «Петухи» — не в ранге ресторана,
И вывески с названием не найдешь,
Но там с утра до ночи, как бараны,
Полустуденческая молодежь,
Фарцовщики, доценты, графоманы
И те, кого никак не назовешь,
Воспринимали как судьбы подарок
Продукцию венгерских кофеварок¹⁸.

.....
(24)
.....

¹⁸ В Ленинграде на углу Невского и Литейного проспектов в 1960-е находилось кафе — излюбленное место интеллигентной молодежи. На молодежном сленге оно называлось «Сайгон». Постепенно «Сайгон» превращался в кафе европейского типа. За пластмассовыми столиками с одной чашкой кофе велись долгие разговоры. Некоторые работали: читали, писали, конспектировали. Власти испугались неподконтрольных сборищ. Однажды все стулья убрали, вместо легких светлых столиков появились тяжеловесные, мрачные высокие стойки, за которыми можно было только наскоро, стоя, перекусить. Постепенно кафе утратило свою притягательность и прозвище. В.Б. пишет: «“Сайгон”, в котором торчали целыми днями начинающие поэты и полупоэты, студенты и, наверное, стукачи тоже... особо доверенным лицам там варили тройной кофе — напиток, от которого у непривычных начиналось сердцебиение» (Мемуары. С. 227); далее приводятся строфы 23 и 25 тоже с линией точек между ними и пояснением: «Это цитата... из начатой когда-то в шестидесятых, но, естественно, заброшенной поэмы-дневника» (Там же. С. 228). Строфами этими автор, очевидно, дорожил и вспомнил их не только в мемуарах, но и сохранил в окончательном варианте «Недоромана».

25.

Тут вам, конечно, встретится Кривулин,¹⁹
 И ждущий, кто заплатит, Топоров²⁰,
 И старый Дар²¹ на колченогом стуле,
 И Ширали²² в компании двух коров,
 Порой стукач Куклин²³ на карауле
 (Свисток в кармане, говорят, готов).
 Порой заходит Свяцкий²⁴ с гостем польским,
 И Гнедич Т. со мной и Антокольским.²⁵

.....
 (26–28)
 .....

¹⁹ Кривулин Виктор Борисович (1944–2001) — поэт, эссеист, деятель неофициальной культуры. Первый сборник его стихов вышел в издательстве В. Бетаки с предисловием издателя (*Кривулин В. Стихи*. Париж: Ритм, 1981. (Б-ка современного поэта). 56 с.). В эссе «Вино архаизмов» (*Бетаки В. Русская поэзия за 30 лет (1956–1986)*. Нью-Хейвен, 1987. С. 200–202) Бетаки справедливо назвал Кривулина «типично петербургским поэтом».

²⁰ Топоров Виктор Леонидович (1946–2013) — критик, публицист, переводчик.

²¹ Дар Давид Яковлевич (1919–1980) — писатель, руководитель литературного объединения «Голос Юности». Был популярен среди молодежи.

²² Ширали Виктор Гейдарович (1945–2018) — поэт. Член литературного объединения, руководимого Бетаки. Ему посвящено эссе «Поэт — это флейта господня» (*Бетаки В. Русская поэзия за 30 лет*. С. 232–234). См. о нем также: Мемуары. С. 227.

²³ Куклин Лев Валерианович (1931–2004) — поэт, песенник. В «Мемуарах» Бетаки называет его «подручным мерзавца Е. Воеводина» (с. 93), «хвастливым» и «завистливым» (с. 224).

²⁴ Свяцкий Святослав Павлович (1931–2017) — переводчик-полонист, поэт, драматург.

²⁵ Гнедич Татьяна Григорьевна (1907–1976) — поэт, переводчик; Антокольский Павел Григорьевич (1896–1978) — поэт, переводчик, драматург; обоих Бетаки называл своими учителями. Вслед за текстом А Василий прислал мне по e-mail еще три странички, озаглавленные «Ни о чем. Над Фонтанкой... Попытка мемуаров» с эпиграфом из Грибоедова: «В журналах можешь ты, однако, отыскать / Его “Отрывок”, “Взгляд” и “Нечто”. / О чем бишь “нечто”? Ни о чем...» Посланное сопровождала записка: «Марик! М.б., тут кое-что повторяется, но посмотри всё вместе с “основной” рукописью — дело в том, что тут я нашел в черновиках попытку сделать из неподучившегося романа мемуары, поэтому то, что у тебя есть, тут перемежается с тем, чего я не посылал. В <ася>». В строфе 25 строки 4–6 читались иначе: «И Марамзин в компании двух коров, / И Шагинян, и Юрский, и Дедюлин... / Всех перечислить надо много строф...» К имени Шагинян следует примечание: «Актёр, в то время знаменитый! Не путать с дурой Маргаритой <т.е. Маризттой. — М.А.>». Марамзин Владимир Рафаилович (р. 1934) — писатель. Шагинян Анатолий Айкович (р. 1936) — актер, чтец, продюсер и режиссер парижского отделения радио «Свобода». Юрский Сергей Юрьевич (1935–2019) — актер, режиссер, чтец. Дедюлин Сергей Владимирович (р. 1950) — литератор, библиограф, преподаватель.

29.

Поэты с возрастом всегда классичней,
 Придумчивость оставив молодым.
 А тем не лень обычные косички
 Преображать хоть в змей, хоть в ночь, хоть в дым.
 Им **жизнь** пока **сестра** — ну, и отлично
 (А мы ее ведь в тещу превратим!).
 Вот только я с чего-то не ленивый,
 Метафоры еще влетаю в гривы

30.

Пегасиков. А впрочем, с детства так,
 Я к лошадям в шесть лет ведь был приучен.
 И дядя Гриша, доктор и казак,
 Меня в седло сажал «на всякий случай»²⁶

.....
 .....
 И всё о Пастернаке говорят...

31.

А он? Как мог сменить тот **поединок**
Двух соловьев на факт, что **«снег идет»**?
 Как постарел он! Из его картинок,
 Введенных им же в общий оборот,
 Я ранние повесил бы в простенок,
 А поздние... Ну, пусть я обормот,
 Но с полным правом повторю: «Однако,
 Живаго недостоин Пастернака».

32.

...Всех выдумал! Ведь я один, пожалуй,
 Не выдуман... А если поточней,
 Я это я, — весьма серьезный малый,
 Хоть в чем-то и похож на тех друзей,
 Кто, зная, как далек от идеала,
 Черты скандальной личности своей
 Смаскировав «лирическим героем»,
 С три короба наврет и дальше кроет.

²⁶ См. в «Мемуарах»: «В шесть лет меня впервые посадил в седло дядя Гриша, казак, врач, старый отцовский приятель еще по гимназии». В студенческие годы Бетаки даже подрабатывал уроками верховой езды (с. 31–32).

33.

«Но кто такой лирический герой?» —
 Вы спросите, дрожа от подозрительности.
 За ним мы — как за каменной стеной
 От литератур-ведов, от их мнительности,
 Его придумывая, мы с тобой
 Осуществляем комплекс дополнительности:
 Потребность хоть в стихах изобразить
 Себя таким, каким хотел бы быть.

34.

Так Лермонтов Печёрина придумал
 Лишь оттого, что сам Грушницким был,
 Или Крылов свою «Свинью под дубом»
 Для той же самой цели сочинил...

.....

.....

.....

.....

35.

К тому же этот тип дает возможность
 Порой быть откровенным, не тая
 Всего, о чем простая осторожность
 Не даст писать. Но если я — не я,
 Быть смелым для меня уже не сложность.
 И пусть тогда в стихах мои друзья
 Увидят всё, чего на самом деле
 В характере моем не разглядели.

36

Порой случается и в жизни так
 (В действительной, не только у Тынянова),
 Что имя, превратившись в некий знак,
 Мешает «людям, захотевшим странного»²⁷.
 В быту советском есть клеймо: «Чудак».
 Ну, кто ж позволит действовать непланово?
 Бумажка на стене и ты уже
 Зависишь от поручика Кижe.

.....

²⁷ Выражение из «Попытки к бегству» Стругацких (В.Б.). В этой повести (1962) люди, «желающие странного», — неконформисты, противники тоталитарного режима, узники концлагерей.

<В рукописи Б вместо строки точек имеется строфа (гл. 2, 39). Затем вложен листок с написанными неразборчивым почерком еще двумя строфами (почему-то на полях обозначенными 15 и 16) и отдельными строками, итого три дополнительные строфы плюс шесть отдельных строк:

36а

Который, мера всё на свой аршин,
 Науку уважает, но однако
 Твердит, что ум бесчувственных машин
 К добру не приведет, что будет драка,
 Что лучше бы нейлон и крепдешин
 Сменить на шкуру и путем Жан-Жака
 К избе, к лучине, к миру кислых шей,
 Чтоб избежать восстания вещей.

36б

Всё больше в мире антиурбанизм,
 Полунежд спасительная штора.
 Ж.Ж. Руссо затасканный трузим
 Как мини-юбку приняли без спора
 Технар и поп, гуманитар и физик,
 Эстет и «мужиковствующих свора»²⁸,
 Кому не лень, на тысячи ладов
 Клянут «неволюдушных городов».

36в

Пещерный идеал любого сорта
 Внушает подозренье мне, что он
 Лишь вывеска для модного курорта,
 Когда с собой «в пещеру» привезен
 Хозмаг, кабак, движок и «всё для спорта»,
 Лосьон, транзистор, и магнитофон,
 И подувной матрас... в сравненьи грубом
 Сие как басня «Робинзон под дубом».

[Единственное, чем мы схожи с предками
 (Ну, правда, иногда еще и клетками).]

Нет, не изобретения страшны,
 А приложенье их... Вот тут бывало

²⁸ Цитата из стихотворения В. Маяковского «Юбилейное» (1924): «Ну, Есенин, мужиковствующих свора. / Смех! Коровою в перчатках лаечных». Здесь, очевидно, — писатели-почвенники.

Использовать для горок самосвалы
 .....

Бульдозериста взять в искусствоведы...^{29>}

37.

А Лева Друскин всё же был поэтом,
 Он как-то мемуары написал³⁰.
 Они и сразу были под запретом,
 И дудины³¹ устроили скандал —
 Пришлось уехать... Думал я об этом,
 Увидев, как он пуделя чесал
 Большого, белого по кличке Гек.
 Был этот Гек хороший человек!

.....
 (38–41)

42.

Мы все, немногих очень исключая,
 Взрослели где-то к тридцати годам,
 Мы дамами девчонок величаем
 И девочками кличем наших дам,
 А после возраста не замечаем,
 Кто как, а я всё это не отдам
 За скороспелость прошлого столетья,
 Когда давно успел бы помереть я,

43.

Как Лермонтов. Ведь что ни говори,
 Печорин старше моего героя:
 Он в двадцать взрослым стал. Но ты бери
 В расчет и воспитание иное:
 Так я о чем? О том, что 33 —

²⁹ Быть может, намек на знаменитого «экскаваторщика», который писал в «Литературной газете»: «Я Пастернака не читал, но знаю...»

³⁰ Друскин Лев Савельевич (1921–1990) — поэт; в 1980 исключен из Союза писателей за «действия, несовместимые с требованиями устава СП СССР, выразившиеся в получении из-за рубежа и распространении антисоветских изданий, в двуличии, в клевете на советское государство и на советских литераторов» (Спасенная книга: Воспоминания ленинградского поэта. Лондон, 1984. С. 388–389). Ему посвящен очерк «Я не струсил, Д'Артаньян» (*Бетаки В.* Русская поэзия за 30 лет. С. 104–107).

³¹ Дудин Михаил Александрович (1916–1993) — поэт, чиновник. Больше, чем своими стихами, известен эпиграммой: «Добродушный Миша Дудин, / Сто очков любому даст: / Миша Дудин, сын Иудин — / Поцелует и продаст».

Особый возраст: до него, не скрою,
 Ни я не делал... (скажем, *ни... чего*),
 Ни наш знакомец, Муромец Илья!

44.

Мужчина в этом возрасте не ловится,
 Не то что в пятьдесят и в двадцать пять!
 На ком или на чем он остановится
 Лет через десять — не берусь гадать,
 Но он хотя бы плотником становится,
 Или его уже должны распять,
 Чтоб именем его хоть после смерти
 Вольготно спекулировали черти³²,

45³³.

Как некто Савл... (Для рифмы скажем «Савел»...)
 Иудаизм есть то, что от Отца.
 А что от Сына — нам испортил Павел,
 Понаписав посланий без конца,
 Он столько отсебятины добавил!
 Но что-то ведь от Третьего Лица,
 Должно быть, — то, что Мережковский сухо
 Назвал «Религией Святого Духа».

45а.

Как помнится, грек молодой Стефан
 Был первым в мире дьяконом, и всё же
 .....
 И как в ЦеКа — хоть парочку камней
 Был должен кинуть каждый фарисей!

³² В рукописи Б автор ограничивался намеком на Христа и последующей эксплуатацией его имени церковниками; последние две строки заключены в скобки и заканчиваются не запятой, а восклицательным знаком. Позднее в рукописях А и В он развил эту тему. После крушения советской власти православная церковь быстро превратилась из гонимой в мракобесную силу, всё теснее срастающуюся с государством. Возможно, поэтому и появились в поэме следующие несколько строф об апостоле Павле. Именно Павел приспособил простодушную религию братских общин к нуждам государства. Говоря о паулизме, в котором ничего не осталось от истинного христианства, автор, очевидно, имеет в виду православную церковь.

³³ Эта и следующая строфы — только в рукописи В.

46.

Апостол Павел³⁴, тряпок их хранитель,
Стефана помогал отправить в ад,
Он рационалист и соблазнитель
(К тому же сам палач и ренегат),
А до сих пор живет как победитель!
Ну, как не стыдно нам с ним ставить в ряд
Петра, который уж определенно
Не мог бы стать союзником Нерона!

47.

Да, паулизм есть несомненный вред,
И христианства в нем не ночевало,
.....

(48)

49.

Теперь, читатель, помогай творить,
Три года остается нам с тобою,
Чтоб прясть судьбы спасительную нить
И, крепко привязав ее к герою,
Его по лабиринту протащить
Профессий, дружб, романов... Да, не скрою:
Судьба его у времени в руках —
Он и не Дон Жуан, и не монах.

50.

Глаза Онегина и Дон Жуана
Легко могли увидеть целый свет,
Удобные герои для романа:
У них почти обязанностей нет,
А времени навалом. Как ни странно,
Сей факт детерминирует сюжет:
Чтоб был герой не вроде тунеядца,*³⁵
Должны его профессии меняться.

³⁴ В Рукописи В: «Савл, то есть Павел, тряпок их хранитель, / Стефана подсобил отправить в ад». Когда святого Стефана побивали камнями, Павел (тогда Савл) хранил одежды свидетелей (Деян. 7:58–59).

³⁵ Астериск поставлен автором. Возможно, автор намеревался дать советское объяснение слова. В 1961 г. был принят закон «Об усилении борьбы с лицами (бездельниками, тунеядцами, паразитами), уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». Помню, что мы восприняли этот закон как обострение борьбы с диссидентами и вообще с интеллигенцией, скептически относившейся к советскому режиму. Самым ярким применением этого закона стало знаменитое дело Бродского (1964).

51.

Ведь «отпуска бывают раз в году»,
 Как справедливо Кушнер отмечает³⁶,
 А раз уж так — поэту на беду
 Пусть мой герой профессии меняет.
 (Ведь каждому в двухтысячном году
 Утопия такое обещает!³⁷)
 А кто припомнит титул «летуна»³⁸,
 Уж это, братцы, не моя вина.

<Далее в рукописи Б зачеркнута строфа (#67):

51а.

Но скоро и главу кончать пора нам:
 Она играет только роль пролога.
 Я сознаю, что очень уж пестра, но
 Так хочется порассуждать немного!
 Трепаться можно бы хоть до утра нам,
 И все-таки грызет меня тревога:
 Не надо, чтобы вся моя преамбула
 Казалась плоской, словно рыба камбала!>

Герой с автором, естественно (несмотря на отсутствие отпусков), путешествуют, как Онегин или Жуан...

52.

Люблю асфальт, летящий под колеса,
 И с двух сторон сиреневый кипрей,
 Сбегающий по желтизне откоса
 К шоссе из-под сосновых галерей,
 И черным лаком, словно знак вопроса,
 Торчащий из-под мостика ручей,
 Педалей круговое напряжение
 И легкость безмоторного движенья.

³⁶ Строка из стихотворения А. Кушнера «Комната» (1962): «Раз в году бросаюсь на вокзал, / Я из тех, кто редко уезжал. / Как уеду я? Куда уйду? / Отпуска бывают раз в году».

³⁷ Возможно, намек на советскую пропаганду. Программа КПСС, принятая на XXII съезде (1961), завершалась знаменитой фразой: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».

³⁸ В советскую эпоху власть боролась с людьми, часто и по собственному желанию менявшими место работы. Их презрительно называли «летунами».

53.

Мне оправданием послужит формула,
Столь нужная для наших дней шальных,
Известная еще с эпохи Ромула,
Ее я постараюсь вставить в стих,
Чтобы она всем показать могла,
Что сумма впечатлений путевых,
Необходимых нам, чтоб после вздор нести,
Обратно пропорциональна скорости.

54³⁹.

Ну, вот и Новгорода младший брат,
Довмонтовой стены высокий⁴⁰ камень,
Тяжелых⁴¹ контрофорсов мощный ряд,
Что держат многотонными руками
Массив стены, с которой не палят
Уж двести с лишним лет, когда войсками
Был полон город, и тяжелый гром
Тут грохотал, разбуженный Петром.

55.

Взгляни с верхушки круглой Кутекромы
На ижицу сливающихся рек,
Забудь про стены, храмы и хоромы,
Запомни только плавных вод разбег
Да там лесов зубчатые изломы,
Которые и наш неровный век
Переживут... Но елки⁴²-великаны
Не знают ближних леспромхозов планы...

56.

Слияние Великой и Псковы
Заполнено сиренью, и церквами,
И тишиной. И уханьем совы,
Живущей до сих пор между зубцами.
Собора шлемовидные главы
Слегка фосфоресцируют ночами,
И город от Поганкиных Палат
До Запсковья молчанием объят.

---

³⁹ Строфы 54–57 в рукописи Б (там это строфы 15–18) очеркнуты, на полях помета: «Опубликовано в 1974 году». См.: *Бетаки В.* Замыкание времени: Стихи разных лет. Paris, 1974. С. 43–44. Далее: Бетаки 1974.

⁴⁰ Бетаки 1974: тяжелый.

⁴¹ Бетаки 1974: Высоких.

⁴² Бетаки 1974: сосны.

57.

Клубком свернулась ночь в начале лета
И спит в глазницах звонницы пустой,
Пока ее трехглазые рассветы
Не вышибут лучистою метлой
Из трех беленых арок. Три кометы
На миг хвосты расстелют над росой...
Смотри рассвет сквозь звонницу! Такого
Нигде ты не увидишь, кроме Пскова.

58.

Палатку на багажник укрепив
И через рамы застегнув портфели,
Мы вышли Арсеналом на обрыв
И сверху на Великую смотрели,
И вниз направились, перекурив,
Через чертополох и асфодели,
Ведя велосипеды под уздцы,
Как древние псковские молодцы.

59.

Прозрачен над асфальтом летний зной.
Всё вниз и вниз, почти что незаметно.
Псков растворялся в дымке за спиной
И скрылся на тридцатом километре.
И вот мы — под Изборскою стеной,
Где в самый тихий день гуляют ветры
И тень от стен квадратом резкой тьмы
На Труворовы падает холмы.

<Далее в рукописи Б следует густо зачеркнутая строфа (22-я по нумерации Б):

59а.

Когда-то было... Ратники и смерды
Вздымали эти башни в высоту,
Седой плитняк долбили преусердно,
И громоздили на плиту плиту,
И, творог подмешав к известке серой,
Гасили десять лет известку ту,
А тако же тесали много ядер
Для пушкарей в том неприступном граде.>

60.

Два озера, забытые судьбой,
Глазами Пана смотрят в неба своды,
Меж ними и шерботатою стеной
По склонам убегают огороды
От чудища с зубчатою спиной,
Что, как дракон неведомой породы,
Наставил уши башен над холмом
Во сне настороженном и немом...

(61–65)

66⁴³.

Но где сюжет? — сюжет не получился.
Где фабула? Мы фабулы хотим!
Глава прошла, герой и не родился!
А путешествует... Ну, дьявол с ним,
Но автор-то!!! ...Ребята: я решился:
Сюжет к чертям, октаву удлиним.
Лорд Байрон бы ничуть не удивился,
А критик «Б»⁴⁴ — кто ж станет спорить с ним?
Пускай себе! Тон менторский усвой,
Качая буйной антиголовой⁴⁵!

67.

Да здравствуют романы и поэмы,
В которых нет романов и поэм!
Зато стадами в них пасутся темы,
Зато идей блистательный гарем!
Поэты, детектив ругаем все мы,
Нагроможденье, мол, сюжетных схем....
А ведь признайтесь, жизнь не так ретива,
Чтоб всем давать сюжет для детектива!

68.

Альтшуллер мне, конечно, возразит:
«Да ведь лирические отступленья

⁴³ В рукописи Б на полях: «Вот главная строфа всего романа» (В.Б.).

⁴⁴ В рукописи Б примечание: «*Критик Б? Блядь или Бритиков (одно и то же)». Бритиков Анатолий Федорович (1926–1996) — литературовед, писал о советских писателях, научной фантастике. Впоследствии Бетаки отзывался о Бритикове вполне доброжелательно (Мемуары. С. 212).

⁴⁵ Термин А. Вознесенского (В.Б.). Имеется в виду книга: *Вознесенский А. Антимирь: Избранная лирика.* [М.]: Молодая гвардияЮ 1964. Тираж 60 000 экз.

Нужны, когда за ними хоть сквозит
 Сюжет! Но что за треп до отупенья?»⁴⁶
 Ах, Марк, поверь, что автор дорожит
 Ученостью твоей, но, к сожаленью,
 Традиции обрыдли — и, привет:
 Уходит в отступления сюжет!

69.

— О чем же ты? — О жизни человека!
 — Но до чего неоднородный сплав!
 — А хочешь, «Ехал Грека через реку»
 Я растяну на тысячу октав?
 Я это назову «романом века».
 И, что ни говори, я буду прав,
 Затем что я завидую жестоко
 Всемирной славе «Бурного потока»⁴⁷.

ГЛАВА ВТОРАЯ

<В рукописи Б двум строкам первой строфы предшествовало несколько стрóf (27–32 по нумерации Б). Сверху В.П. написал: «Тут пять прототипов героя романа. И гадать не надо, как в Онегине». Потом он эти строфы перечеркнул и написал на полях: «Это всё плохо. Цитировать отсюда не надо ни строчки». Я позволю себе не согласиться с мнением друга, тем более что автор далеко не всегда является справедливым судьей своего текста. Строфы эти интересны как портреты людей 1960-х гг., их настроений, взглядов... Они публикуются в угловых скобках с нулевой и буквенной нумерацией.

0⁴⁸.

А в школе у меня приятель был,
 Отличный лицедей, не хуже Райкина.
 Я помню, чуть не каждый говорил:
 «Не лезь ты в технику, иди — играй в кино!

⁴⁶ Не помню, чтобы я подобные глупости говорил (мне поэма нравилась), но Василию с его блестящей памятью виднее.

⁴⁷ Не то «Тихий Дон», не то «Железный поток» (В.Б.). В «Литературной газете» с 1967 г. на 16-й странице печатался «роман века» Евгения Сазонова «Бурный поток», злая и остроумная пародия на штампы и приемы литературы социалистического реализма. Название «романа» — очевидная контаминация двух названных Бетаки произведений.

⁴⁸ Половина предыдущей страницы в рукописи Б вырвана. Строфа, очевидно, является продолжением предыдущей, поэтому начинается с противительного союза.

Он был бы — у него б хватило сил —
Достойный член святой актерской шайки, но...
Мать рыкнула — и сын уж пятый год
В КБ сидит (и на КБ плюет)⁴⁹.

0–а.

А вот другой. Поэт довольно яркий,
Хоть зачастую пишет ни о чем.
Он может слово раздробить на кварки,
Играть умеет строчкой, как мячом,
Работал он в музее, в зоопарке,
У классика служил секретарем,
Имел дубину, бороду и прочее...
За всё берется он и... (многоотчие!)⁵⁰

0–б.

А третий... эрудит, идеалист,
Последователь Ганди и Толстого,
Подсобник, землекоп и тракторист
(Уволился, нанялся завтра снова...),
Письмо катает аж в печатный лист
То из Мурманска мне, то из Ростова.
Однако в институт не пожелал
И ныне — грузчик-интеллектуал⁵¹.

0–в.

Четвертый был любитель дальних странствий.
Летал. Врачи списали. Что ж, приказ!
Но через год он смылся с лаборантства
И в океане плавает сейчас!
Наверно, и в космическом пространстве
Он побывал бы, если б в третий раз

⁴⁹ На полях: Ю. Усов (Москва).

⁵⁰ На полях: К. Кузьминский (Н.У.).

⁵¹ На полях: М. Юдкевич (?). Ср.: «Галин <Галина Усова, поэт, переводчик, жена В.Б. — М.А.> бывший ученик Миша Юдкевич был первым человеком, от которого я услышал, что он непременно уедет в Израиль. <...> Был конец 1971 года. Миша Юдкевич, к тому времени всего год как закончивший школу, подал заявление на отъезд, добыв “липовый вызов от какого-то однофамильца, назвавшегося его дядей”. <...> Миша уехал. Один из первых» (Мемуары. С. 243–244). В книге Бетаки «Замыкание времени» (1974) есть стихотворение, посвященное «М. Юдкевичу»: «Живем — и вопреки тому, / Что каждый хан плетьми нас бить велит...» (с. 123).

Сумел надуть врачей... Но эскулапам
Попался в лапы барахлящий клапан⁵².

0-г.

А пятый и поэт, и инженер,
Прозаик и любитель бильярда,
Художник и знаток небесных сфер,
И переводчик гарлемского барда,
Конструктор хоть кастрюль, хоть батисфер...
(Сюда мы подрифмуем Леонардо!
Одно несходство — он без бороды,
Но я не вижу в том большой беды!)⁵³

0-д.

Хоть оказалось так, что к бороде я
Привел произведение свое,
Но не воображай, что все идеи
Я вычешу волшебством из нее.
Я силой Черномора не владею
И чудотворство дело не мое!
Есть список прототипов? Мы с тобою
Из них и сконструируем героя.>

1.

.....
.....
Есть список прототипов — мы с тобою
Из них и сконструируем героя.

⁵² На полях: Г. Альтшуллер. Мой брат Герман Григорьевич Альтшуллер (р. 1934) с детства страдал пороком сердца, несколько лет назад ему в Израиле заменили клапан.

⁵³ На полях: А. Щербаков. Александр Александрович Щербаков (1932–1994) — поэт, переводчик (в том числе «гарлемского барда» Ленгстона Хьюза), писатель-фантаст. Ср.: «А. Щербакова прислал ко мне как-то мой старинный друг Марк Альтшуллер, сказав, что этому молодому инженеру очень хочется познакомиться с ровесниками-поэтами, поскольку сам он пишет и кое-что переводит, а в среде инженеров ему тоскливо... Очень быстро Саша стал среди нас совсем своим. <...> Александр Щербаков — поэт, не выпустивший ни одной книги, переводчик, участвовавший в десятке изданий разных поэтов. Перевел полностью оба тома “Алисы” Льюиса Керролла. Фантаст, выпустивший две книги повестей, изобретатель, имевший несколько патентов на изобретения в электронике. Он умер в середине 90-х от лейкемии» (Мемуары. С. 185, 187). Щербаков был еще и драматургом: однажды он прочел нам с женой замечательную пьесу «Геракл и Лернейская гидра» (до сих пор не напечатанную и не поставленную), по мотивам и идеям соприкасавшуюся с «Драконом» Е. Шварца, которую он, по его словам, в то время не читал.

2.

Что значит конструировать людей?
На это есть, во-первых, папа-мама.
Петруцци выдал несколько идей⁵⁴,
Но мы их игнорируем упрямо.
Еще один есть способ посложней,
К которому прибег когда-то Брама,
Но Шива, говорят, ему мешал,
В проекте испортив идеал⁵⁵.

3.

Четвертый способ есть литература.
Но при подобном способе рожденья
Герой — нематерьяльная фигура —
Обычно остается без крещенья,
А в наши дни поэтов креатура
Не попадает под постановление
Медалью награждать младенца ради
Того, что он родился в Ленинграде.

4.

И мой герой медали не имел,
Что огорчительно для патриота.
Родившись, он не молочка хотел,
Поскольку взрослым вырос из... блокнота,
И на велосипед, понятно, сел —
Пришлось купить — разумная забота:
Уж если появился он в пути,
Не в рюкзаке же мне его везти!

6. <?>⁵⁶

Ну, а теперь, по правде говоря,
Еще работа предстоит нам: это —
Создать ему родителей. Не зря
Творцом зовут и Бога и Поэта:

---

⁵⁴ Петруччи Даниэле Анджело — итальянский медик и биолог. В 1961 г. провел эксперимент по искусственному оплодотворению половых клеток человека в «искусственной матке»; жизнь эмбриона в течение двух месяцев фиксировалась на киноплёнке. В октябре того же года приезжал в Москву по приглашению АН СССР. Правительство Италии и католическая церковь не поддержали опыты Петруччи, усмотрев в них разрушение института семьи.

⁵⁵ В индуизме Брама (Брахма) воплощает созидательное начало, а Шива — разрушительное.

⁵⁶ Так в рукописи А. Вероятно, опечатка — следует 5.

Трудясь, пыхтя, плюясь, ворча, куря,
Они работают на благо света,
Но нелегко приходится богам:
Стругацкие свидетельствуют нам.

7.

.....
Но Данту тесно в закоулках адских,
Вот он и превратился в двух Стругацких
.....

(8)

9.

И учит нас научная фантастика,
Как можно из простых вещей собрать
(Хоть из полупроводников и пластика)
Герою моему отца и мать:
Но мне, поэту, только ономастика
Нужна одна: ведь стоит их назвать...
Вот преимущества литературы:
В ней имя оживает без фигуры!

10.

Еще и не успел я сотворить
Один комплект родителей героя,
Они уже не так желают жить,
Как я им предписал, план книги строя,
И путают логическую нить
И громко пререкаются со мною,
Как роботы у Шекли⁵⁷, без конца,
Сажая в лужу своего творца.

<После этой строфы в рукописи Б следуют еще шесть (39–44 по нумерации Б).

10а.

Бунт роботов... Нас много им пугали:
«Оставьте города! Бегите в лес!»
И, на чем свет стоит, всю ругали
Науку и технический прогресс...

⁵⁷ Роберт Шекли (1928–2005) — американский писатель-фантаст, очень популярный в СССР в 1960-е гг.

Усматривать в нем друга ли? Врага ли?
 Я к роботам питаю интерес,
 Но в спор вступать по этому предмету,
 Когда и роботов пока что нету???

106.

— А будут — будет поздно! — Черта с два:
 Нет роботов, но есть уже модели,
 У коих руки, ноги, голова —
 Всё, всё как у людей на самом деле,
 Но боже упаси их от идей!
 ...В том и беда, что всё *как* у людей⁵⁸!

Следующие две строфы зачеркнуты. На полях первой написано «это плохо», на полях второй — «очень плохо». Автор хотел изобразить интеллигентскую мещанскую среду — «роботов», у которых всё «как у людей», их бытовой конформизм: «такой вчера купила Софья Львовна» (Ср.: «Что будет говорить / Княгиня Марья Алексевна»). Вместе с тем какие-то детали материального быта, которые начинали занимать непомерно большое место в жизни, оттесняя духовные интересы, подмечены верно: «книги под стеклом», «лак на полу», даже торшеры, которые тогда действительно почему-то вошли в моду (и, конечно, тут же стали дефицитом): у моих родителей был самодельный с большой тяжелой чугунной сковородкой в качестве основания.

10в

Отец вошел и замер на пороге:
 Куски бумаги, бечева и нож...
 Вниманьем всех владел торшер трехногий
 (Он был на марсианина похож⁵⁹).

⁵⁸ В этих строфах отразилось характерное для 1960-х гг. увлечение кибернетикой, которая после смерти Сталина перестала быть «буржуазной лженаукой». Проблема искусственного интеллекта интересовала не только математиков и физиков, но и гуманитариев, поэтов и писателей-фантастов. Естественно, возникал и знакомый еще со времен пьесы Чапека («RUR», 1920) мотив «восстания роботов». А. Вознесенский начинал стихотворение «Бунт машин» таким же призывом, как строфа 10а у Бетаки: «Бегите — в себя, на Гаити, в костель, в клозеты, в Египты — Бегите». Затем шли такие строки: «А в ночь, поборовши робость, / Создателю своему / Кибернетический робот: / “Отдай говорит — жену! / Имею слабость к бронеткам — говорит. — Люблю / На тридцати оборотах. Лучше по-хорошему уступите!..”» Стихотворение вошло в сборник «40 лирических отступлений из поэмы “Треугольная груша”» (М., 1962. С. 39–40), тираж которого в 50 000 экз. разошелся мгновенно. В нашей домашней библиотеке был приобретенный за умеренную цену машинописный экземпляр необычного формата с имитацией издательской обложки.

⁵⁹ Ср. у Уэллса описание марсианина в «Войне миров»: «Громадный, выше домов, треножник, шагавший по молодой сосновой поросли и ломавший на своем пути сосны...» (Уэллс Г. Собр. соч.: В 15 т. Т. 2. М., 1964. С. 40).

— Обертку хоть убрали бы с дороги!
— Три дня ищи — такого не найдешь...
— Что это — тоже модно? — Безусловно:
Такой вчера купила Софья Львовна!

10г.

Супружеский случайный диалог,
Но нечто я услышал в нем такое,
После чего я попросту не смог
Описывать гардины и обои,
И мебель на копытцах козжих ног,
И книги под стеклом... Всё предо мною
От лака на полу до потолка —
Квартира отставного моряка.

Следующие две строфы обведены овалом. На полях помета:
«ахиня».

10д.

Ах, мода, мода! Мы не знаем меры,
Куроча и калеча всё и вся...
Отец зачем-то прочил в инженеры
Мальчишку, что артистом родился.
Не то чтоб сыну жаждал он карьеры,
Но, личность в жертву моде принеся,
Был возмущен, что тот учился плохо
И скорбно восклицал: «Не та эпоха!

10е.

Вот мы...» Но речь папаши повторять
Не хочется во избежанье штампа.
Бывалый каперанг не мог понять,
Что сын не электрическая лампа,
Чтобы его включать и выключать,
Что четкость черно-белого эстампа
В характерах былых фронтовиков
Сменилась живописностью сынков.>

(11–12)

13⁶⁰.

Отец служил «отлично, благородно»⁶¹
 Сперва на флоте, а потом в НИИ,
 Немецким языком владел свободно,
 И, ордена немногие свои
 Лишь дважды в год на «праздник всенародный»
 Надев, морские вспоминал бои,
 А в остальном по всем своим манерам
 Не офицером был, а инженером.

<В конце рукописи Б (л. 318) имеется густо зачеркнутая строфа, явно относящаяся к предыдущей:

13а.

Курсантом он пописывал слегка,
 Порой и остроумно и умело,
 Но, действовать решив наверняка,
 Усвоил вовремя, что это дело
 Неверное... и больше ни стишка
 За тридцать лет. Отдался он всецело
 Борьбе <?> за то, что нужным почитал,
 И сыну сочинять не разрешал.>

14.

Его жена была — его жена⁶².
 Окончив до войны библиотечный,
 Писала диссертацию она,
 Грозя работу эту сделать вечной,
 Потом ей степень стала не нужна,
 И, вкус почуя в зрелости беспечной,
 Она «держала дом», решив, что он
 Есть кладезь звезд для мужниных погон.

15.

А сын, как вся студенческая братия,
 Которой переполнен Ленинград,
 Экзамены сдавал, мотал занятия
 И мат наваливал на сопромат,

⁶⁰ Строфа в рукописи Б обведена овалом. На полях: «Это уже лучше».

⁶¹ Стандартная формула аттестации чиновников, известная по роману в стихах «Евгений Онегин»: «Служив отлично-благородно, / Долгами жил его отец...»

⁶² В рукописи Б подчеркнута: его жена.

Еще он достаивал проклятия
 Предмет, о коем вслух не говорят⁶³,
 Или, не одолев своей природы,
 На чертежах чертил карикатуры⁶⁴.

<После этой строфы в рукописи Б следуют еще две тщательно зачеркнутых (##48–49), 49-я практически не читается, кроме нескольких слов:

15а.
 Он никаких кружков не посещал.
 Уж если путь надежный и реальный,
 Послушавшись родителей, избрал
 И не пошел ни в ГИК, ни в Театральный,
 Зачем травить себя, так он считал,
 И вместо сцены профессиональной
 (Которая ведь тоже дым и прах!)
 Играть на факультетских вечерах.>

.....
 (16–23)

24.
 День пасмурный, безветренный, бездождный
 Играет желтым шорохом листвы,
 Прозрачные аллеи чуть тревожны,
 И замирают мраморные львы,
 Боясь движением неосторожным
 Стряхнуть листок кленовый с головы,
 И вот на ней причудливо, игриво
 Растет из листьев золотая грива.

25.
 И там, где сваливали с барж дрова,
 Где пахло лошадьми, смолой и небом,
 Забыта вытравленная трава —
 Бензиново, окаменело, немо.
 Дыханье земляного естества
 Сожгла асфальтовая эмфизема,
 И лишь оазис чуда — Летний сад
 Локтями лип расталкивает ад.

⁶³ Скорее всего, «История КПСС».

⁶⁴ Эта строфа вошла в «Мемуары» (с. 101).

26.

Как говорит Ефремов, inferнальна
У нас цивилизация пока.
Мораль в XX веке — аморальна!
Не верите? Читайте «Час Быка»⁶⁵.
Ведь бытие настолько матерьяльно,
Что если где оторвана доска
В рационалистическом заборе —
Бетоном дырку мы залепим вскоре⁶⁶.

27.

На Выборгской за дымной стороной —
Отечеством машин, конфет и тряпок,
За парком Академии Лесной
Белокирпичный есть Северо-Запад,
Овеянный кленовой тишиной,
В которой растворен сосновый запах,
И перламутрово глядит с утра
На Озерки Поклонная Гора.

28.

Давно ль ее чуть дымчатое око
Избавилось от белого бельма,
От статуи беленого пророка,
Вокруг которой разливалась тьма,
И скрип уключин Александра Блока
Над озером глушит одна зима...
Но и зимою у озерной кромки
Я слышу тайный голос Незнакомки.

29.

Но дальше через линию туда,
Где переулки и калиток скрипы,
Забывтые колодцы и вода
Зеленая, как над колодцем липы.

⁶⁵ В фантастическом романе И. Ефремова «Час быка» (1968–1969) изображена тоталитарная, «инфернальная» государственная система. Роман был очень популярен, но после первого отдельного издания (1970) запрещен и не переиздавался до конца 1980-х гг.

⁶⁶ В рукописи Б после этой строфы следует: «Кой-как воспитывая интеллект, / За это платим оскудением чувства. / И пожирающий умы проект / Нам кажется полезнее искусства».

Тут странно выглядят и провода,
 Еще странней нейлоновые типы:
 Годов шестидесятих остряки
 Уж не заламывают котелки!

30.

.....
 .....⁶⁷

Канавы да болотца без мостков,
 Чуть не на километр до самой Лахты,
 Где ветер балтийский милости простер
 На узкое крыло далекой яхты,
 И, низкой глыбой уплывая в сон,
 Виднеется на взморье стадион.

(31–32)

33.

Когда от фар луч света, перекрещен,
 Струится вдоль асфальтовой реки,
 И мечутся, белея, платья женщин
 В листве обочин, словно мотыльки,
 И зелень ярче кажется и резче,
 И кроны так прозрачны и легки,
 Тебе на миг покажется — так просто,
 Что рай земной зовут Елагин остров.

(34–47)

48.

А в Петергоф — ⁶⁸

.....
 .....

И ровно в двух шагах (увы, не дале)
 Мы вдруг экскурсовода увидали!

49.

Он группу вел, как стадо старый слон.
 Отлично выбрит, в меру напомажен.
 Музей дрожал, как град Иерихон.
 Мне на мгновение показалось даже,

⁶⁷ В рукописи Б вместо строк точек: «Велосипед выносит на простор. / Теперь его потащишь на руках ты:».

⁶⁸ Этот стих печатается по рукописи В.

Что с силою выплевывает он
Куски табличек (текст этикетажа).
Порой лишь ударенье переверт.
А следом группу девица ведет.

50.

Эмоций полон рот, а информации
На сотню слов полбита не найдешь:
...Вот этой вазой должен восхищаться я
Или «вот этот стул — как он хорош:
Изысканные линии стремятся и...»
Стоишь, не слушаешь и только ждешь,
Чтоб смесь косноязычия и фальши
Прервалась роковым: «пойдемте дальше».

51.

И всё же — кто такой экскурсовод?
«Двуногий суррогат магнитофона»?
Панегирист? Горластый счетовод,
Перечислитель статуй и плафонов,
Картин и стульев?.. Но иной поет,
Как тетерев, бездумно, упоенно...
Я этого вопроса не решил,
Хоть сам в музее методистом был....

52.

Пытаясь одолеть свою иронию
И кое-как дослушав до конца
Хвалу изысканности и гармонии
Большого Петергофского дворца,
Решил, что если бы сидел на троне я,
То запретил бы именем Отца
И Сына с Духом по всея России
Выделять экскурсии такие!

53.

Указ, достойный памяти Петра
И сходный с тем, в котором отмечается,
Что кончилась шпаргалочья пора,
*«...и господам сенаторам вменяется
Речь не читать и не зубрить с утра,
Своими пусть словами изъясняются,
Чтоб глупость каждого увидел всяк!»*
Вот надобно с экскурсиями так.

(54–55)

56⁶⁹.

Под Нарвой прежде отморозив ... (уши)
 И торопясь осуществить свой бред,
 «Петр первый прорубил окно в Европу,
 Которое двести семнадцать лет
 Не закрывалось»⁷⁰. (Только остолопу
 Невнятен этот, столь простой, ответ
 На тот *Октябрь*, что календарно диким
 Был в ноябре. И оттого — великим.)

57.

Еще кой кто зовет его...

.....

(58–72)

73

.....

На камушках огрызки кукурузы,
 Купальщицы, грузины и медузы⁷¹.

.....

.....

(74–85)

86.

.....

.....и Томашевский⁷²,

С которым мы всегда, как ни придешь,
 Дом Книги криками вгоняли в дрожь.

.....

(90–94)

⁶⁹ Строфы 56–57 печатаются по рукописи В.

⁷⁰ Цитата из экскурсии К.К. Кузьминского (В.Б.).

⁷¹ Пицунда (В.Б.).

⁷² Борис Борисович (1909–1974), сын Бориса Викторовича Томашевского, переводчик, литературовед. Ср.: «Широко образованный, был он человеком к тому же достаточно громким. Спорить обожал! <...> Походил он на пожилого, но вполне задиристого петушка» (с. 190). К этим строкам в «Мемуарах» примечание: «В Доме Книги на Невском тогда помещалось несколько издательств, в том числе и “Гослитиздат”. Позднее это издательство переименовали в “Художественную литературу”» (Мемуары. С. 190).

95.

На ракушке Венера Боттичелли —
 Ну, кто там говорит про красоту?
 Нет ни бедра, и титьки — еле-еле.
 Нет, я уж Ренуара предпочту.
 А если так придерживаться серии,
 Из всех венер я выбираю ту,
 Что на тахте, валяясь полусонно,
 Глядит, прищурясь, с полотна Джорджоне.

<Фасад Военной школы строг и сер.
 Вот поле Марсово, черно, как пашня.
 Над ним, как на параде Гулливер,
 Раздвинув ноги, Эйфелева башня:
 У, в обморок! Так нет: ты ж офицер!
 Курсантам на плацу и вовсе страшно.
 (С чего бы? Башне яйца не даны:
 Пускай хоть трижды лопнули штаны!)>⁷³

96.

.....
 .....
 .....
 Полвека все гитары были ржавы —
 Традиция пошла от Окуджавы

<В рукописи Б после этих строк имеются еще три строфы, старательно зачеркнутые автором. Они не связаны ни с предыдущей темой (экскурсоводы), ни с последующей (картины Петербурга), поэтому печатаются без нумерации. В них, очевидно, отразились нараставшие в стране националистические тенденции.

Но что такое национализм?
 Хоть лопни, он — антинационален!
 Бесспорно, что любой на свете «изм»
 Самоубийца, если он буквален:
 Нельзя же вылечить посредством клизм
 Инфаркт, к примеру? Индивидуален
 К любым явлениям должен быть подход.
 А посему — любая догма врет!

⁷³ Строфа прислана 18 декабря 2003 г. с припиской: «Вот тебе октавушки». Она находилась после строфы 95 (все строфы в этой посылке без нумерации). Возможно, это остатки замысла «заслать героя в эмиграцию».

Чем неуклонней влево или вправо,
Тем безусловнее замкнется круг.
Мне одинаково противно, право,
Любое направление из двух.
Да, мерзок национализм, но право
Разбередить национальный дух
Имеют только малые народы
Во имя сохранения свободы.

Концепцию святого превосходства
Пропагандирует любой кулик.
Лягух, свое же подчеркнув уродство,
Сам убежден, что тем он и велик.
Претензии на вечное господство
С кликушеством вокруг своих релик-
вий, как мы убедимся дале, —
Две разных стороны одной медали.>

Литература

Альтицуллер М.Г. Биография Онегина в руках пушкинистов, критиков и поэтов // Новый журнал. 1998. № 211. С. 173–198.

Альтицуллер М. Между двух царей. Пушкин 1826–1836. СПб.: Академический проект, 2003. 354 с.

Бетаки В. Снова Казанова. (Меее...! МУУУ...! А? PPPЫ!!!). München: ImWerden Verlag, 2011. 383 с.

Русская литература XX века в зеркале пародии: Антология / Сост. О.Б. Кушлина. М.: Высшая школа, 1993. 478 с.

Сморodinская Т. Проза Пушкина в поэтическом пересказе поэтов второй половины XIX века // Континент. 1999. № 102. С. 389–396.

Судьба Онегина / Сост., вступ. ст. и коммент. В. Невской и А. Невского. М.: Экост, 2001. 544 с.

Чумаков Ю.Н. Стихотворная поэтика Пушкина. СПб.: Гос. Пушкинский театр. центр в СПб., 1999. 632 с.

References

Al'tshuller M.G. Biografiia Onegina v rukakh pushkinistov, kritikov i poetov [Onegin's biography in the hands of the Pushkin scholars, critics and poets]. *Novyi zhurnal*, 1998, no. 211, pp. 173–198. (In Russ.)

Al'tshuller M.G. *Mezhdv dvukh tsarei. Pushkin 1826–1836* [Between two tsars. Pushkin 1826–1836]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2003. 354 p. (In Russ.)

Betaki V. *Snova Kazanova. (Meee...! MUUU...! A? RRRY!!!)* [Casanova again (Memoirs)]. München, ImWerden Verlag, 2011. 383 p. (In Russ.)

Russkaia literatura XX veka v zerkale parodii: Antologiiia [Russian literature of the 20th century in the mirror of parody: Anthology], comp. by O.B. Kushlina. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1993. 478 p. (In Russ.)

Smorodinskaia T. Proza Pushkina v poeticheskom pereskaze poetov vtoroi poloviny XIX veka [Pushkin's prose paraphrased by poets in the 2nd half of the 19th century]. *Kontinent*, 1999, no. 102, pp. 389–396. (In Russ.)

Sud'ba Onegina [Onegin's destiny], comp., intro. and comment. by V. Nevskaya and A. Nevsky. Moscow, Ekost Publ., 2001. 544 p. (In Russ.)

Chumakov Iu.N. *Stikhotvornaia poetika Pushkina* [Pushkin's poetics]. St. Petersburg, Pushkin State Theatrical Center in St. Petersburg, 1999. 632 p. (In Russ.)

“Subnovel” by Vasily Betaki and the Pushkin tradition

© 2019, Mark Altschuller

Abstract: The publication presents an unfinished narrative poem by the well-known Russian poet Vasily Betaki (1930–2013) “The Hero of the 60^s. Subnovel” (1960s — 1970s). The poem follows “Eugene Onegin” and depicts literary and social life during the “Khrushchev Thaw”. The preface gives a very short history of the Russian “onegiana” for approximately 150 years.

Keywords: Vasily Betaki, Alexander Pushkin, “Eugene Onegin”, imitation, parody, reinterpretation, literary atmosphere, social life

Information about the author: Mark Altschuller, PhD, professor emeritus, University of Pittsburgh, USA. E-mail: altshul@pitt.edu

Citation: Altschuller Mark. “Subnovel” by Vasily Betaki and the Pushkin tradition. *Literary fact*, 2019, no. 1(11), pp. 92–145. (In Russ.)

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-92-145